

ISSN 2500-042X

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ

№ 4 (7)
2017

Международный научно-аналитический журнал
Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

№ 4(7) • 2017

Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- С. В. Антуфьев**, врид Генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, кандидат социологических наук;
- О. М. Артыкбаев**, депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, кандидат экономических наук;
- К. М. Бекарян**, член Постоянной комиссии по внешним связям Национального Собрания Республики Армения, кандидат физико-математических наук;
- В. А. Бороденя**, заместитель председателя Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по бюджету и финансам, кандидат экономических наук;
- Р. С. Гринберг**, член-корреспондент Российской академии наук, научный руководитель Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор;
- В. М. Джабаров**, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам, кандидат технических наук;
- А. А. Дынкин**, директор Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор;
- А. У. Жапаров**, депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, заслуженный экономист Кыргызской Республики, доктор экономических наук;
- М. И. Кротов**, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, доктор экономических наук, профессор;
- И. А. Максимцев**, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор;
- И. А. Марзалюк**, председатель Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по образованию, культуре и науке, доктор исторических наук, профессор;
- С. А. Мирзоев**, руководитель Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, кандидат юридических наук;
- М. В. Мясникович**, Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор;
- Г. В. Пальчик**, председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор педагогических наук, профессор;
- Ф. Рахими**, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук, профессор;
- К. С. Султанов**, член Комитета Мажлиса Парламента Республики Казахстан по международным делам, обороне и безопасности, доктор политических наук, профессор;
- А. В. Торкунов**, ректор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор;
- В. А. Шамахов**, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р. С. Гринберг, член-корреспондент Российской академии наук, научный руководитель Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А. Е. Карлик**, доктор экономических наук, профессор;
- Ю. В. Косов**, доктор политических наук, профессор;
- Д. И. Кузнецов**, доктор философских наук, профессор;
- И. Н. Новикова**, доктор исторических наук, профессор;
- Г. Н. Нурышев**, доктор политических наук, профессор;
- К. А. Пшенко**, доктор исторических наук, профессор;
- Н. А. Сафаров**, доктор юридических наук, профессор;
- С. Т. Сейдуманов**, доктор социологических наук, профессор;
- А. И. Сурыгин**, доктор педагогических наук, профессор

УЧРЕДИТЕЛЬ

МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПОЛИТИКА

- А. Н. Гайшун**
«Евразийское партнерство» и риски ЕАЭС 5
A. Gaishun
«Eurasian Partnership» and Risks of the EEU
-
- О. Г. Филатова**
Электронное управление в процессах евразийской экономической интеграции: итоги сравнительных исследований 11
O. Filatova
E-governance in the Processes of Eurasian Economic Integration: Results of Comparative Research
-
- Д. Н. Барышников**
Дипломатия в глобальную эпоху: теория и практика 20
D. Baryshnikov
Diplomacy at the Global Age: Theory and Practice
-
- М. О. Селютин**
Интеграция высшего образования в Европе в 1950–1990-е годы 27
M. Selyutin
Integration of Higher Education in Europe in the 1950–1990^s
-
- А. Т. Алтыбаева**
Первая парламентская республика в Центральной Азии: Кыргызстан 32
A. Altybaeva
The First Parliamentary Republic in Central Asia: Kyrgyzstan
-

ПРАВО

- С. А. Чалгимбаева**
О разработке концепций модельных законов в области информационно-коммуникационных технологий для государств — участников СНГ 35
S. Chalgimbayeva
On the Development of Concepts of Model Laws in the Field of Information and Communication Technologies for the CIS Member States
-
- Ч. М. Бердимуратов**
Проблемы реализации государственных гарантий прав субъектов инвестиционной деятельности в Кыргызской Республике 39
Ch. Berdimuratov
Problems of Realization of State Guarantees of Rights of Investment Activity in the Kyrgyz Republic
-

В. Н. Чайка

Актуальность правовой идеологии как составляющей части правового сознания в контексте безопасности общества и государства

45

V. Chaika

The Relevance of Legal Ideology as a Component of Legal Consciousness in the Context of the Security of Society and the State

---

ЭКОНОМИКА

М. Г. Шилина

Международные механизмы межгосударственного взаимодействия на евразийском пространстве: анализ реалий и возможностей для развития экономической интеграции

49

M. Shilina

International Mechanisms of Interstate Cooperation in the Eurasian Space: Analysis of Realities and Opportunities for the Development of Economic Integration

---

С. С. Сафина, Ю. Е. Иванова

Региональные различия демографических процессов в КНР

54

S. Safina, Y. Ivanova

Regional Differences in Demographic Processes in China

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

А. А. Остапенко

Русский мир как интегрирующее коммуникативное пространство

65

A. Ostapenko

Russian World as an Integrative Communicative Discourse

С. Х. Барлыбаева

Информационная парадигма евразийской интеграции

68

S. Barlybayeva

Information Trend of Eurasian Integration

Е. Г. Ростова

Русский язык — важнейшее средство освоения общего культурного наследия стран СНГ

75

E. Rostova

Russian Language is the Most Important Means of Development of Common Cultural Heritage of CIS Countries

---

А. Н. Гайшун

«Евразийское партнерство» и риски ЕАЭС

Аннотация: Процесс евразийской интеграции проходит в условиях воздействия на него негативных тенденций общемирового развития, а также навязанной жесткой конкурентной борьбы со стороны государств-противников и их блоков. Может ли усилить геополитическое влияние и экономическую конкурентоспособность России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана интеграционный проект — ЕАЭС? Насколько позволит предложенная руководством Российской Федерации программа «евразийского партнерства» расширить, в случае ее практической реализации, возможности стран Евразии в формирующемся многополюсном мире? Эти все более актуальные вопросы рассматриваются в статье.

Ключевые слова: Россия, Китай, Евразийский экономический союз, «евразийское партнерство», интеграция.

Об авторе

Александр Николаевич Гайшун (Бобруйск, Республика Беларусь) — ведущий специалист по информационной работе в ОАО «Красный пищевик», соискатель ученой степени кандидата политических наук; alexandr.gaishun@gmail.com

---

A. Gaishun

«Eurasian Partnership» and Risks of the EEU

Summary: The Eurasian integration process takes place in conditions of exposure to negative trends of world development, but also imposed a tough competitive struggle on the part of enemy states and their blocks. Could strengthen geopolitical influence and economic competitiveness of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan to the integration project — the Eurasian Economic Union? I invited the leadership of the Russian Federation the program «Eurasian partnership» to expand, in the case of its implementation, possibilities of the countries of Eurasia in the emerging multipolar world? These questions are increasingly aktualisierte.

Keywords: Russia, China, Eurasian Economic Union, «eurasian partnership», integration.

About the Author

Aleksandr Gaishun (Bobruisk, Republic of Belarus) — Leading expert in information at OJSC «Krasny pischevik»; alexandr.gaishun@gmail.com

---

Состоявшийся 14–15 мая 2017 г. в Пекине с участием лидеров 29 стран мира форум по международному сотрудничеству в рамках стратегии «Один пояс — один путь» стал, в сущности, ответом на пятилетнюю программу Запада по экономическому сдерживанию Поднебесной. Как известно, США и Европейский союз в последние годы предприняли ряд скоординированных шагов по созданию закрытых региональных интеграционных сообществ, которые (например, Транстихоокеанское партнерство, торговая программа ЕС и Японии) изначально были ориентированы на изменение действующих норм ВТО в обход интересов Китая.

Последовавшая инициатива Экономического пояса Шелкового пути стала вынужденным ответом Пекина на действия глобальных конкурентов, причем вначале она имела характер специальной информационно-психологической операции. Однако в 2015–2017 гг. шесть объявленных руководством КНР экономических коридоров стали наполняться весомым финансированием, и ныне намерения Китая уже не представляются планами на отдаленное будущее.

В контексте сложившейся мировой реальности инициатива «Один пояс — один путь» представляет собой сильнейший вызов сохраняющимся экспансионистским устремлениям Запада. Общее

впечатление конкурентов, несомненно, усилил проект российского лидера В. В. Путина под названием «Евразийское партнерство». Сказав в ходе своего выступления в Пекине несколько необходимых слов об «общепризнанных интеграционных правилах и прозрачности», Президент Российской Федерации обозначил контуры нового проекта: ЕАЭС, ШОС и «Шелковый путь» — основа для евразийского партнерства. При этом, как подчеркнул Владимир Путин, «новой парадигмой, вокруг которой может строиться новая реальность на континенте, может стать Евразийский экономический союз». Большое «евразийское партнерство» видится в сложении потенциалов «таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, «Один пояс — один путь», Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии», а главная цель — обеспечение быстрого, удобного и необременительного движения товаров на огромном пространстве [1]. Евразийское партнерство, на взгляд Президента России, изменит «политический и экономический ландшафт континента», принесет Евразии мир, стабильность и процветание.

Президент Беларуси А. Г. Лукашенко отметил стабилизирующее влияние Китая на мировую экономику и «добрые намерения», с которыми влиятельное государство Азии приходит в страны, формирующие коридоры Экономического пояса Шелкового пути.

Таким образом, «евразийское партнерство» рассматривается как возможность усиления геополитического влияния постсоветских государств и повышения их экономической конкурентоспособности в глобальном окружении.

Ядром проекта, как уже отмечалось выше, может быть Евразийский экономический союз. Напомним, что создание Евразийского экономического союза стало выражением проводимой Россией, Беларусью и Казахстаном политики разноразмерной интеграции. Причем изначально ЕАЭС декларировался именно как экономический интеграционный

проект «без политики и военного взаимодействия», и это не раз отмечали в своих выступлениях на данную тему главы государств-партнеров. Впрочем, на Западе в усилившихся на постсоветском пространстве интеграционных мотивах увидели попытку реставрации СССР, что и стало главной мотивацией информационных атак на ЕАЭС. Следует подчеркнуть, что процесс евразийской интеграции проходит в условиях воздействия на него негативных тенденций общемирового развития, а также навязанной жесткой конкурентной борьбы со стороны государств-противников и их блоков.

Среди основных тенденций, характеризующих экономическое и социально-политическое развитие мира в первой четверти XXI столетия, необходимо выделить следующие: глобализация, неравномерность развития стран и народов, «этноконфессиональный вызов». Сможет ли ЕАЭС усилить геополитическое влияние и экономическую конкурентоспособность России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана?

Признаем, что недолгий опыт функционирования этого интеграционного проекта принес странам-участницам больше разочарований, нежели удовлетворенности от казалось бы общей стратегической инициативы. Теоретические обоснования ученых-экономистов и экспертов-геополитиков пяти постсоветских республик столкнулись с не вполне исследованной реальностью, в результате чего и возник традиционный вопрос — «Что делать дальше?».

Любопытна в связи с этим точка зрения на природу проблем, с которыми сталкиваются страны ЕАЭС на пути углубления евразийской интеграции, канадского политолога И. Маммадова. По мнению исследователя, в настоящее время «главным средством по развалу интеграционных процессов является *политика ЕС по европейскому соседству*» [2]. При этом совершенно очевидно заинтересованное участие высшего руководства США в данной инициативе. Особенно активным оно было накануне Вильнюс-

ского саммита ЕС, т. е. в августе — октябре 2013 г. Проект Восточного партнерства получил большую поддержку со стороны президента Б. Обамы, что явствовало из проведенных в это время двусторонних встреч с лидерами крупнейших европейских стран. Активность в данном направлении проявляли и вице-президент, и госсекретарь США.

Как известно, политика «европейского соседства» распространяется на Украину, Грузию, Армению, Азербайджан, Молдову и Беларусь. Инструментом выступают соглашения об ассоциации, которая предполагает экономическую интеграцию в ЕС, тесную политическую связь, но без членства в союзе. Это прямо означает полную зависимость «ассоциированных» государств от воли высших органов ЕС. Подчеркнем, что и их экономики определенно будут в незавидном статусе придатка, и потому перспективы дальнейшего роста, прежде всего технологического, невозможны.

Вне возможных соглашений об ассоциации находятся Беларусь и Армения, что не означает потерю интереса к ним со стороны Запада. Каким он может быть — показывает опыт Украины. Во многом западное вмешательство дестабилизировало некогда экономически сильную и солидарную советскую республику. Ее непредсказуемое будущее является необходимым условием сдерживания геополитических инициатив со стороны прежде всего России в направлении евразийской интеграции. А они становятся все менее продуктивными, в том числе и из-за реализации весьма действенной программы информационного подавления.

Трудности евразийской интеграции не снимают ее с «повестки дня» для постсоветских государств и других стран континента. Успешная реализация данного проекта радикально изменит картину мира, разрушит, по определению З. Бжезинского, расположение фигур «на великой шахматной доске», сложившееся после распада СССР. Ныне крупнейшие государства Евразии проявляют

повышенную политическую активность. Нельзя не обратить внимание и на то, что военные затраты в них становятся все большими. Реализуется евразийский проект — и государства Западного полушария превратятся в «геополитическую периферию центрального континента мира», чего давно опасался Бжезинский. А степень его влияния на умы североамериканской политической элиты хорошо известна. Проявления этого влияния — активные действия США в Восточном полушарии на протяжении последних 30 лет, в том числе и на постсоветском пространстве.

В связи с этим интересен взгляд немецкого политолога, журналиста-международника А. Рара. Он рассматривает ЕАЭС не как противовес Европейскому союзу. «Евразийский союз, скорее, нацелен на сотрудничество с ЕС, и это было главной идеей Назарбаева, Путина и Лукашенко — просто сесть с ЕС за один стол переговоров, и уже вместе дальше двигаться. Если эти политики будут поддерживать данный процесс, то он должен состояться, другой альтернативы нет», — заявил эксперт ИА «Sputnik» [3].

Кроме усиливающегося в части (признаем, все же небольшой) политической и научной элиты стран старой Европы геополитического стремления, данный акцент обнаруживает и желание крупнейших столиц все более дистанцироваться от воли США с правом играть свои первые партии на континенте. И это, пожалуй, главное.

Между тем в самом ЕАЭС сегодня полно противоречий, которые пока не позволяют союзу претендовать на значимую в мировом масштабе экономическую силу. Представления лидеров государств-членов играют роль идеологической платформы для объединения, но реальность в экономических взаимоотношениях делает и ее все более декларативной.

Наиболее популярная оценка высшим политическим истеблишментом проекта — «в XXI веке региональная интеграция становится важным фактором противо-

действия различным глобальным рискам» — воспринимается в обществах стран-участниц больше как лозунг, наполовину лишенный содержания. Поэтому и интересна сама природа экономических противоречий между государствами — членами ЕАЭС. Одной из главных проблем является несовпадение экономических интересов.

Белорусский ученый-экономист А. Сверлов и его коллега из Армении А. Маргарян провели анализ предпосылок развития экономического сотрудничества республик (Беларуси и Армении) в рамках интеграционного проекта и пришли к выводу, что «формирование ЕАЭС не идентифицируется с автоматическим решением существенных вопросов развития хозяйственных отношений предприятий стран-участниц» [4, с. 49]. Например, сельхозпроизводители Армении и Беларуси довольно остро конкурируют на российском рынке; неоднозначно и влияние вступления Армении в ЕАЭС на изменение межотраслевых связей в промышленном комплексе Беларуси. Поэтому в оценке последствий присоединения новых государств к евразийскому экономическому проекту на первом месте должен стоять сравнительный анализ промышленного потенциала всех участников ЕАЭС, структуры их ВВП.

Необходимым условием защиты экономических интересов стран — членов ЕАЭС может быть их вступление в Таможенный союз. Здесь тоже немало сложностей, главная из которых — это невыполнение норм.

Профессор БГУ М. Ковалев считает, что, несмотря на особенности современного экономического развития, позиции Беларуси остаются достаточно сильными даже в сравнении с другими членами ЕАЭС. Основой для такого мнения стал анализ ряда данных, который позволил белорусскому эксперту прогнозировать в последующие 35 лет (до 2050 г. включительно) ежегодное увеличение мирового ВВП на уровне 3,5%, при этом рост данного показателя у членов ЕАЭС будет выше: «Россия и Казахстан смогут при-

растать на 4,8%, Армения — на 5,1%, Казахстан — на 5,2, а Беларусь — на 5,9%» [5, с. 19–20].

Вместе с тем реальность 2016–2017 гг. вызывает у другой части белорусских исследователей несколько иные оценки перспектив ЕАЭС. На взгляд профессора БГЭУ А. А. Праневич, начались коренные изменения в интеграционном развитии постсоветских государств. Объективно они обусловлены «усложнением международных экономических отношений под влиянием глобализации, транснационализации, роста потребности в инновационном развитии, обострения проблем формирования многосторонней торговой системы в рамках ВТО» [6, с. 4]. Эти процессы, как подчеркивает А. А. Праневич, активно воздействуют на мировое конкурентное пространство, формируя новую конкурентную среду, характеризующуюся усложнением внутренних связей и усилением роли новых игроков (стран, регионов, торгово-экономических объединений) в механизмах конкуренции, кооперации и партнерства.

Данные обстоятельства в условиях экономического кризиса приводят к неизбежной абсолютизации представления о национальных интересах без учета стратегических перспектив интеграционного проекта. Кроме того, вследствие расширения формата международной конкуренции государства опасаются (вполне мотивированно) потерять контроль над собственным экономическим базисом.

Признаем, что в большинстве стран ЕАЭС есть проблема качественного управления экономикой, в частности промышленностью. На это обратили внимание в своем интересном исследовании С. А. Толкачев и А. И. Соловьев. Вот что они отмечают на примере Российской Федерации: во-первых, отсутствие механизмов трансформации валовых сбережений в средства финансирования промышленной деятельности; во-вторых, незначительность прямых иностранных инвестиций в сфере развития промышленной деятельности; в-третьих, самые низкие показатели ВВП на единицу энер-

гии, что свидетельствует о неэффективности использования энергоресурсов; в-четвертых, низкий уровень расходов государства на образование и малую долю специалистов технического профиля, имеющих возможность работать по избранной специальности [7, с. 45].

Безусловное решение данных проблем (характерных, заметим, и для других отраслей экономики, и не только в Российской Федерации) позволит повысить конкурентоспособность государств ЕАЭС в глобальном окружении. Кроме того, есть и другие вопросы, которые только актуализируются для участников ЕАЭС.

Р. Гринберг полагает, что странам — участницам интеграционных проектов особое внимание предстоит уделить «согласованию национальных приоритетов в научно-технической сфере, а также формированию технологических коридоров, в которых глобальная конкурентоспособность отдельных выбранных секторов экономики будет достигаться преимущественно за счет технологий, разработанных внутри интеграционного пространства» [8, с. 23]. Как, собственно, и было во времена СССР между национальными республиками.

На территории ЕАЭС остро стоит вопрос об увеличении доли высокотехнологичной продукции. Без глубокой диверсификации производства адекватно ответить на этот вызов весьма сложно, потому и актуальна согласованная между государствами — членами ЕАЭС промышленная политика. Однако, как показывает практика первых лет с момента запуска интеграционного проекта, в стремлении к этому постсоветские государства столкнулись с массой проблем многостороннего взаимодействия.

Низкая добавленная стоимость производимой продукции — характерное

явление для экономики всех стран ЕАЭС. Экспорт сырьевых товаров за пределы союза занимает основное место в общем измерении, и в ближайшее десятилетие ситуация не изменится.

Самый оптимистический сценарий развития Евразийского экономического союза связывается с представлениями о необходимости снижения внешней задолженности государств-членов, повышения технологического уровня и диверсификации национальных производств и экспорта. Впрочем, подобные взгляды уместны при оценке перспектив большинства современных интеграционных проектов в мире. Поэтому и проявляется столь открыто острейшая конкуренция между различными блоками государств.

На X Международной конференции «Евразийская экономическая интеграция» министр по промышленности и агропромышленному комплексу Евразийской экономической комиссии С. С. Сидорский прямо заявил о зависимости развития ЕАЭС от внешних обстоятельств. Вместе с тем, по мнению бывшего руководителя правительства Беларуси, «в условиях глобального курса на объединение отдельных стран существовать вне партнерских блоков было бы крайне сложно» [9, с. 43].

Как представляется, все вышеперечисленные факторы и экономические обстоятельства и привели к появлению инициативы евразийского партнерства. Необходимо подчеркнуть, что предложенный руководством Российской Федерации проект значительно расширит, в случае его практической реализации, возможности стран Евразии в формирующемся многополюсном мире. И это обстоятельство побуждает к более расширенному поиску оптимальных решений в данном направлении.

Использованные источники

1. Путин В. В. Евразийское партнерство изменит ландшафт континента. URL: <http://www.souzveche.ru/articles/economy/37117>.

2. Маммадов И. Евразийская интеграция в политических стратегиях США и Канады. URL: <https://riss.ru/analitics/5962/>.

3. Рар А. ЕАЭС не направлен на ограничение влияния ЕС. URL: <https://ru.sputnik.az/expert/20150521/637358.html>.
4. Маргарян А. Ш., Сверлов А. С. Предпосылки развития экономического сотрудничества Армении и Беларуси в рамках ЕАЭС // Экономический бюллетень. 2016. № 1. С. 44–50.
5. Ковалев М. Начало экспансии ЕАЭС // Финансы, учет, аудит. 2015. № 11. С. 19–20.
6. Праневич А. А. Интеграционные объединения стран: проблемы и факторы конкурентной устойчивости в современной мировой экономике // Белорусский экономический журнал. 2016. № 1. С. 4–21.
7. Толкачев С. А., Соловьев А. И. Анализ опыта реализации промышленной политики в странах — членах ЕАЭС и оценка ее эффективности // Белорусский экономический журнал. 2015. № 4. С. 33–47.
8. Гринберг Р. Шансы и риски Евразийского союза // Экономика Беларуси. 2014. № 4. С. 19–23.
9. Пятерка за интеграцию. Евразийский экономический союз стал полноценным игроком на мировом рынке // Экономика Беларуси. 2015. № 4. С. 43–49.

О. Г. Филатова

Электронное управление в процессах евразийской экономической интеграции: итоги сравнительных исследований¹

Аннотация: В статье представлены результаты сравнительных исследований электронного управления в странах Евразийского экономического союза. Исследование порталов государственных и муниципальных услуг, а также порталов ключевых министерств стран ЕАЭС с использованием методологии, основанной на методике оценки электронного участия ООН, дополнено контент-анализом СМИ и интернет-ресурсов стран ЕАЭС по вопросам развития электронного управления. На основании полученных результатов сформулированы рекомендации для дальнейшего развития в данной сфере.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, электронное управление, электронное участие, порталы государственных и муниципальных услуг, контент-анализ, мониторинг.

Об авторе

Ольга Георгиевна Филатова (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент; filatovo@gmail.com

---

O. Filatova

E-governance in the Processes of Eurasian Economic Integration: Results of Comparative Research

Summary: This paper presents results of a comparative study of e-governance in Eurasian Economic Union member states. The websites of each country's key ministries are the object of research. The original research methodology used in this paper is based on the UN e-Government Index approach. The methodology for monitoring e-governance information resources involves a study of the portals of state and municipal authorities of the EEU countries. We complement the study by content analysis of e-government-related online sources and media. Obtained data allows to propose recommendations for further improvements in this area.

Keywords: Eurasian Economic Union, e-governance, e-participation, portals of state and municipal authorities, content analysis, monitoring.

About the Author

Olga Filatova (St. Petersburg, Russian Federation) — Associate Professor, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor; filatovo@gmail.com

---

Введение

В последние годы издано большое количество работ, посвященных различным аспектам развития информационного общества и электронного управления, электронной демократии и электронного участия. Постепенно увеличивается

и число работ, связанных с вопросами активно развивающейся евразийской интеграции. Однако исследований и публикаций, позволяющих отследить процессы развития электронного управления (e-governance) на территории созданного

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00715 «Электронное управление в процессах евразийской экономической интеграции: структура и основные модели».

в 2015 г. Евразийского экономического союза, до сих пор чрезвычайно мало. Тем не менее в настоящее время усиливается общая тенденция расширения многостороннего сотрудничества в рамках экономико-географических зон постсоветского пространства, а на межправительственном уровне подчеркивается важность совместной работы стран — участниц ЕАЭС по формированию единого цифрового пространства, без которого невозможно общее экономическое пространство. Принимая во внимание ведущие мировые тенденции, связанные со всеобщей информатизацией и развитием концепций электронного управления, можно констатировать, что эта область, в рамках углубляющегося сотрудничества стран ЕАЭС, нуждается в дополнительном изучении.

В данной статье представлены результаты осуществленного в 2016 г. масштабного исследовательского проекта, направленного на то, чтобы заполнить пробел в изучении развития электрон-

ного управления в государствах Евразийского экономического союза, у которых имеются сходные проблемы в процессе перехода от иерархического управления к сетевым системам управления.

Методологической базой исследования выступили теории информационного и сетевого общества в качестве методологии осмысления роли и места информационных технологий в общественных трансформациях (М. Кастельс), а также агентно-структурный подход (Э. Гидденс, Б. Латур), позволяющий изучить влияние технологий электронного управления на процесс евразийской экономической интеграции.

Исследование включало в себя три этапа: 1) контент-анализ интернет-ресурсов и СМИ по вопросам развития информационного общества и электронного управления; 2) мониторинг информационных ресурсов e-governance; 3) оценка уровня электронного участия (e-participation) в странах ЕАЭС.

Контент-анализ интернет-ресурсов и СМИ

На первом этапе исследования были проанализированы частоты встречаемости выделенных ключевых слов, указывающих на тот или иной аспект функционирования информационного общества и электронного управления в каждой стране — участнице ЕАЭС. Для проведения исследования был создан специальный программный комплекс из совокупности программных средств общего назначения (рис. 1).

Сбор данных для контент-анализа осуществлялся методом пресс-клиппинга интернет-ресурсов и материалов СМИ. В общей сложности было проиндексировано 27 039 материалов за 2016 г. На рис. 2 представлена диаграмма распределения количества публикаций по странам ЕАЭС.

Полученные данные показывают кратное превосходство количества информации по России в сравнении с дру-

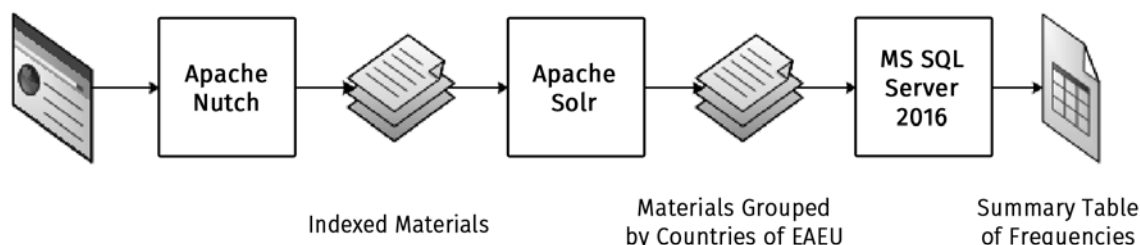

Рис. 1. Архитектура программного комплекса

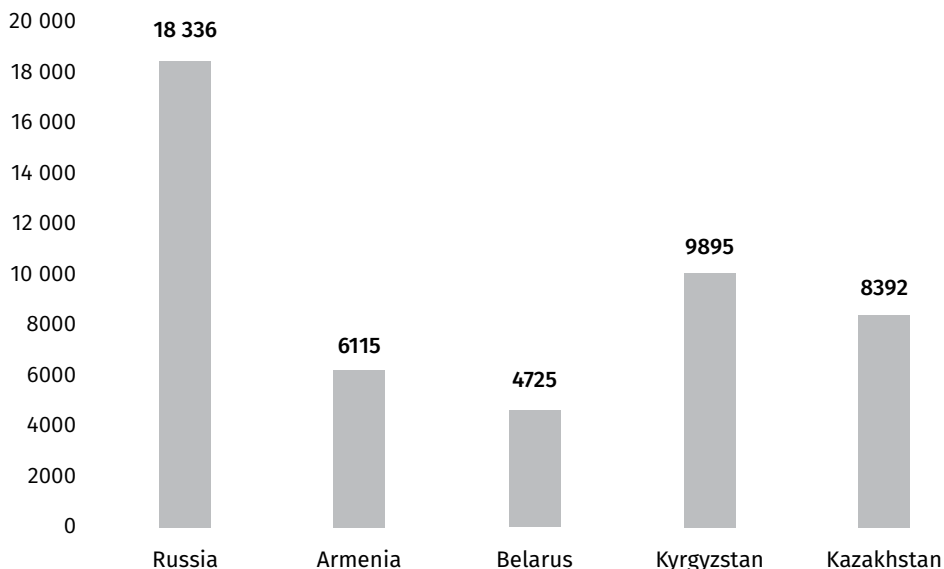

Рис. 2. Количество публикаций по странам

гими странами ЕАЭС. Эта ситуация хорошо соотносится с уровнем развития Интернета и степенью его проникновения в странах Евразийского экономического союза.

В качестве единиц анализа были выбраны следующие категории: 1) нормативно-правовая база (далее — НПА); 2) технические стандарты и требования (далее — Стандарты); 3) финансирование и принципы бюджетирования, управление проектами развития электронного управления (далее — Финансы); 4) стандарты открытости государственных данных, методологические и нормативные подходы к их применению (далее — Открытые данные); 5) методы популяриза-

ции новых технологий (далее — Популяризация).

Для каждой из категорий были определены слова и словосочетания (ключевые слова) для поиска их с учетом всех словоформ в отобранных материалах. Далее анализировалась частота упоминания выделенных категорий. Процедура подсчета сходна со стандартными приемами классификации по выделенным группировкам. В рамках исследования для подсчета частоты упоминания ключевых слов использовались SQL-запросы к данным, загруженным в СУБД Microsoft MS SQL Server 2016 Express Edition. Результаты подсчета частоты упоминания приведены в табл. 1.

Таблица 1. Частота упоминания

Единица анализа	Россия	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан
НПА	16 653	5 571	4 480	7 730	8 505
Стандарты	3 038	831	665	1 373	1 545
Финансы	13 418	4 481	4 270	4 938	7 137
Открытые данные	9 950	4 752	1 725	5 806	6 701
Популяризация	8 248	2 086	2 435	1 998	4 007
Итого	51 307	17 721	13 575	21 845	27 895

Представленные данные демонстрируют, что частота упоминания выбранных единиц анализа в публикациях, посвященных России, значительно превосходит частоту упоминания тех же единиц анализа в публикациях, касающихся других стран ЕАЭС. Данный факт может служить косвенным свидетельством лидерства Российской Федерации в выбранных аспектах развития информационного общества и электронного управления. Мы полагаем, что можно сопоставить уровень развития технологий электронного управления с присутствием данной тематики в средствах массовой информации государств ЕАЭС. Другими словами, чем больше развиты различные аспекты электронного правительства, тем большее внимание демонстрируют СМИ и, как следствие, тем выше информированность и удовлетворенность граждан страны в сфере новых электронных технологий (подробнее см.: [1]).

Данные, полученные нами, дают представление о том, на каких аспектах функционирования информационного общества и электронного управления сконцентрированы усилия в той или иной стране ЕАЭС. Так, лидерами по

методам популяризации новых технологий среди граждан являются Россия, Беларусь и Кыргызстан. Кроме того, данные свидетельствуют о том, что во всех странах ЕАЭС наибольшее внимание уделяется аспекту нормативно-правового регулирования развития информационного общества. Это связано со спецификой функционирования государства, когда создание, внедрение и развитие государственных программ сопровождается большой и кропотливой работой в области нормативно-правового обеспечения всех процессов.

Следует выделить тот факт, что вопросам стандартизации и технического регулирования уделяется недостаточное внимание. Это может служить сигналом о необходимости внесения изменений в существующие подходы к развитию электронного управления и информационного общества в странах ЕАЭС. Дополнительные усилия в данной области могут повысить качество работ по развитию электронного управления и информационного общества. Внимание к этому аспекту позволит придать дополнительный импульс развитию электронной демократии в странах Евразийского экономического союза.

Мониторинг информационных ресурсов e-governance

Мировой опыт показывает, что эффективное внедрение технологий электронного управления (e-governance) способствует предоставлению гражданам и бизнесу доступа к услугам государственных органов, уменьшению стоимости и базовой трудоемкости оказания этих услуг, а также организации механизма обратной связи между властью и обществом. Предоставление государственных и муниципальных услуг (ГМУ) в электронной форме является важнейшим направлением использования информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении. Соответственно, методика мониторинга

информационных ресурсов e-governance предполагает исследование сервисов, направленных на упрощение получения гражданами и бизнесом государственных услуг.

Перечень проанализированных на втором этапе исследования порталов государственных и муниципальных услуг представлен в табл. 2.

Мы составили список критериев, позволяющих оценивать порталы ГМУ стран ЕАЭС. Результаты сравнительного исследования и оценки сайтов порталов для каждой из стран Евразийского экономического союза в 2016 г. сведены в табл. 3.

Таблица 2. Объекты сравнения по странам

Страна	Адрес портала
Армения	https://www.e-gov.am/en
Беларусь	http://portal.gov.by
Казахстан	http://egov.kz/wps/portal/index
Кыргызстан	http://gosuslugi.mineconom.kg/index.php
Россия	https://www.gosuslugi.ru

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа порталов ГМУ

Критерий	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Обеспечена корректная возможность пользования порталом при отключении функции отображения графических объектов	1	1	1	1	1
Обеспечена возможность поиска и получения сведений об услуге, размещенных на портале, средствами автоматизированного сбора данных в Интернете, в том числе поисковыми системами	1	0	1	0	1
Сведения об услуге, размещенные на портале, могут быть найдены и получены с помощью поисковых инструментов портала	0	0	1	1	1
На сайте органа, ответственного за предоставление услуги, имеется ссылка на страницу портала со сведениями о данной услуге	0	0	0	0	1
Обеспечена возможность обнаружить страницу со сведениями об услуге посредством последовательного перехода по ссылкам тематического рубрикатора на портале	0	1	1	1	1
Указана дата размещения/обновления сведений об услуге на портале	0	0	0	0	0
Мультиязычность	0	1	1	1	1
Использование мобильных технологий	0	0	1	0	1
Итого	2	3	6	4	7
Рейтинг	5	4	2	3	1

Из табл. 3 видно, что лидером в области электронного управления, исходя из выбранных критериев оценки, является Россия, а самые низкие показатели демонстрирует портал ГМУ Армении. Для большинства стран ЕАЭС характерны низкие оценки порталов ГМУ по таким критериям, как наличие на сайте органа, ответственного за предоставление услуги, ссылки на страницу портала со сведениями о данной услуге и указание даты размещения (обновления) сведений об услуге на портале.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день порталы ГМУ России и Казахстана — наиболее успешный и совершенный

пример внедрения электронных услуг в контекст государственного управления в этих странах, направленный на автоматизацию процесса предоставления услуг заявителям и организациям, т. е. физическим и юридическим лицам. Порталы государственных и муниципальных услуг Армении, Беларуси и Кыргызстана пока в большей степени спроектированы и реализованы с точки зрения сервис-менеджеров, а не пользователей. Только у двух порталов есть мобильная версия сайта. Все порталы ГМУ государств имеют разный дизайн, при этом более современными решениями выделяются порталы Российской Федерации и Республики Казахстан.

Оценка уровня электронного участия в странах ЕАЭС: компаративный анализ порталов ключевых министерств

Третий этап исследования состоял в сравнительном анализе уровня электронного участия (e-participation) в каждой стране ЕАЭС. Концепция электронного участия предполагает развитие ИКТ-механизмов информирования граждан о деятельности власти, вовлечение их в консультации с государственными институтами и в процесс принятия решений.

Для каждой страны характерна своя динамика появления инструментов электронного участия, во многом обусловленная социальной, институциональной и технологической готовностью участников процесса взаимодействия общества и власти. В связи с этим Организация Объединенных Наций регулярно рассчитывает индекс электронного участия [2], а ученые большинства стран мира проводят исследования и выстраивают различные модели электронного участия [3–7].

Мы попытались выявить специфику развития механизмов электронного участия в странах Евразийского экономического союза. Разработанная методика предполагает анализ подходов к орга-

низации сайтов министерств в странах-участницах. Критерии оценки для данного исследования выбраны исходя из трехуровневой модели электронного участия (электронное информирование, электронные консультации, электронное принятие решений), которую предлагает ООН [2] в рамках проведения своих исследований в данной области (табл. 4).

Для анализа выбраны сайты министерств образования, здравоохранения, финансов, труда, окружающей среды в каждой из стран — участниц ЕАЭС, так как согласно оценке ООН наиболее значимыми областями для устойчивого развития страны являются образование, здравоохранение, финансы, занятость и социальное обеспечение, окружающая среда [2].

Исходя из выбранных критериев Российская Федерация является лидером в исследуемой сфере, а самые низкие показатели — в Республике Армения. Сходные показатели наблюдаются у Республики Беларусь и Кыргызской Республики: самые низкие оценки получены ими по таким критериям, как

Таблица 4. Критерии оценки уровня электронного участия

Критерии	Уровень электронного участия
Наличие сайта	Электронное информирование
Мероприятия по э-участию (календарь публичных обсуждений)	
Отчеты о результатах работы	
Обратная связь (возможность написать письмо)	Электронные консультации
Мультиязычность	
Интеграция/представительство в соцсетях	
Электронные консультации (возможность задать вопрос)	Электронное принятие решений
Электронное голосование или референдум-технологии	
Использование мобильных технологий	

публикация списка мероприятий по электронному участию, использование мобильных технологий и референдум-технологий.

В ходе исследования было выявлено, что сайты министерств большинства стран Евразийского экономического союза пока в большей степени являются средством получения информации и консультаций, нежели механизмом, через который граждане страны могут влиять на принятие государственных решений. Все они содержат информацию о целях существования министерств, сути их деятельности, контакт-

ную информацию, списки должностных лиц, а также разделы с планами и результатами работы, при этом в большинстве стран игнорируется распространение мобильных устройств. Также обнаружено, что сайты министерств разных государств различаются по дизайну, но во многом сходны в своей структуре.

Из результатов оценки сайтов видно, что только в России широко представлен третий уровень концепции электронного участия ООН: «электронное участие в принятии решений» (подробнее см.: [8]).

Заключение

Подводя итоги проведенных сравнительных исследований, можно сделать ряд выводов и сформулировать некоторые рекомендации.

1. Контент-анализ интернет-ресурсов и материалов СМИ стран ЕАЭС продемонстрировал необходимость внесения изменений в существующие подходы к развитию электронного управ-

ления и информационного общества в странах Евразийского экономического союза. Внимание к этому аспекту позволит придать дополнительный импульс развитию электронной демократии в странах ЕАЭС в целом и в России в частности, что позитивно скажется и на позиции этих стран в международных рейтингах.

2. На сегодняшний день порталы государственных услуг являются действующим электронным правительством каждого государства — члена ЕАЭС. Реализация данных проектов ведет к повышению эффективности предоставления различных государственных и муниципальных услуг, способствует сокращению затрат на их оказание, а также меняет саму систему взаимодействия граждан и государства. Это значимый шаг на пути к открытому государству, поддерживающему демократические ценности, идею гражданского общества и реальное совершенствование аппарата государственного управления. Проведенное исследование порталов ГМУ выявило необходимость изменения административных процессов с целью их совмещения с новыми технологиями, которыми пользуются граждане.

3. Анализ ресурсов электронного участия показал, что государственные сайты большинства стран — участниц Евразийского экономического союза качественно не изменились и продолжают выполнять всего лишь функции информационных порталов с элементами консультации, что сказывается на уровне удовлетворенности граждан проводимой модернизацией в этой сфере. По-прежнему существует разрыв между властью и обществом, практически во всех странах уровень электронного участия можно оценить как «пассивный». Для перехода к «активному уровню» необходимо произвести модернизацию правительственных сайтов стран ЕАЭС, и прежде всего сайтов Армении, Беларуси и Кыргызстана, в соответствии с третьим уровнем концепции электронного участия

ООН. Очевидно, что формальное размещение инструментов электронного участия на государственных интернет-порталах не приводит автоматически к росту доверия и легитимности власти. Важны системная и комплексная политика в этой области и постоянный мониторинг эффективности предпринимаемых шагов в странах ЕАЭС.

Разумеется, полученные с помощью проведенных исследований данные еще нуждаются в дальнейшем уточнении и верификации. В исследовательской практике до настоящего времени отсутствовали проекты проведения комплексных исследований, позволяющих отследить развитие процессов электронного управления не только в одной стране, но и на межгосударственном уровне. С учетом относительной новизны реализуемых проектов, недостаточной изученности данного вопроса в науке и нехватки прикладных методик особую актуальность представляют дальнейшие исследования, связанные с разработкой собственных инструментов оценки эффективности электронного управления в ЕАЭС и в каждой отдельной стране.

Основными направлениями дальнейших исследований, на наш взгляд, являются оценка, прогнозирование и разработка методов повышения эффективности электронного управления в целях ускорения евразийской интеграции, а также новые модели и инструменты электронного взаимодействия между гражданами, бизнесом и органами власти на межгосударственном уровне в рамках работы над цифровой повесткой ЕАЭС и создания единого цифрового пространства.

Использованные источники

1. Филатова О. Г., Балабанова С. Г. Информационное общество и электронное управление в странах ЕАЭС (по материалам контент-анализа СМИ) // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2017. № 16. С. 6–18.

2. United Nations E-Government Survey 2016. E-Government in Support of Sustainable Develop-

ment. NY, 2016. URL: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96407.pdf>.

3. Kalampokis E., Tambouris E., Tarabanis K. A. A Domain Model for eParticipation // Proceedings of the Third International Conference on Internet and Web Applications and Services. Los Alamitos, 2008. P. 25–30.

4. Medaglia R. eParticipation Research: Moving Characterization Forward (2006–2011) // *Government Information Quarterly*. 2012. № 29. P. 346–360.

5. Prosser A. eParticipation on the European Union Level. *Technology-Enabled Innovation for Democracy, Government and Governance*. Springer Berlin Heidelberg, 2013. P. 1–8.

6. Scherer S., Wimmer M. A. Metamodel for the E-Participation // *IFIP International Federation for Information Processing*. Springer International Publishing Switzerland, 2016. P. 3–16. (LNCS.9821).

7. Susha I., Gronlund A. eParticipation Research: Systematizing the Field // *Government Information Quarterly*. 2012. № 29. P. 373–382.

8. Filatova O., Golubev V., Balabanova S., Ibragimov I. E-Participation in EEU Countries: a Case Study of Government Websites // *eGose '17. Proceedings of the International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia*. NY, 2017. P. 145–151.

Д. Н. Барышников

Дипломатия в глобальную эпоху: теория и практика

Аннотация: Процесс глобализации, затрагивающий все сферы международных отношений и мирового развития, не мог не отразиться на трансформации дипломатии как ключевого инструмента внешней политики государств. Многообразие нетрадиционных акторов и форм их участия в международном сотрудничестве привело к расширительному толкованию дипломатии, а также смежных и производных понятий. Целью статьи является попытка уточнения ключевых понятий и структуры дипломатического дискурса с учетом новых черт дипломатии, развивающихся под влиянием процесса глобализации.

Ключевые слова: глобализация, дипломатия, внешняя политика, актор, структура.

Об авторе

Дмитрий Николаевич Барышников (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат политических наук; barydmit2008@yandex.ru

---

D. Baryshnikov

Diplomacy at the Global Age: Theory and Practice

Summary: Globalization, as a process touching upon every realm of international relations and development, is unavoidably affecting diplomacy which stays the key foreign policy instrument. Increasing diversity of non-traditional actors and forms of their participation in international cooperation has led to a broad interpretation of diplomacy so as of some contiguous and derivative categories. The purpose of the article is to attempt refining some key concepts and the structure of diplomatic discourse when taking into consideration new traits of diplomacy developing in the context of globalization.

Keywords: globalization, diplomacy, foreign policy, actor, structure.

About the Author

Dmitry Baryshnikov (St. Petersburg, Russian Federation) — Associate Professor at the Department of World Politics of the School of International Relations of St. Petersburg State University, Ph D. in Political Sciences; barydmit2008@yandex.ru

---

Когда британский министр иностранных дел лорд Палмерстон в 1840-х гг. получил первое телеграфное послание, он воскликнул: «Боже! Это конец дипломатии!» [1, р. 93–94]. Несмотря на то что дальнейшее развитие истории выявило чрезмерный пессимизм британского политика, нарастающий прогресс в сфере транспорта и средств коммуникации вынуждает дипломатию искать ответы на все новые технологические и структурные вызовы. Более того, в глобальную эпоху сам термин «дипломатия» часто используется в контекстах, довольно далеких от его изначального значения как важнейшего мирного инструмента внешней политики государств. Этому способствует в том числе и все более

активное участие в дипломатическом общении различных негосударственных акторов.

В связи с этим возникает необходимость не только вернуться к значению базовой категории и соотнести его со смежными и производными понятиями, но и уточнить структуру, а также новые черты дипломатии в контексте глобальной международной среды.

«Дипломатия» как один из базовых терминов используется сегодня в весьма широком диапазоне значений: начиная с отождествления с международными отношениями и внешней политикой и заканчивая сведением исключительно к дипломатической службе. Такое разнообразие приемлемо в широкой общественно-

политической дискуссии или журналистике, в то время как научный дискурс требует максимальной точности в терминологии.

Наиболее распространенная подмена терминов заключается в отождествлении внешней политики и дипломатии. В действительности самое широкое понимание дипломатии не может сводиться к «деятельности, в рамках которой акторы действуют, реагируют на действия, взаимодействуют» [2, р. 179]. Внешняя политика «может быть описана как содержание, цели и установки во взаимоотношениях государств, дипломатия является одним из инструментов для их реализации» [3, р. 128–129].

Другой проблемой, вызывающей разночтение в терминологии, является все более широкое признание дипломатической или как минимум парадипломатической деятельности негосударственных акторов — транснациональных корпораций, международных неправительственных организаций — на международной арене [1, р. 102–104].

Свободное толкование терминов является одной из теоретико-методологических проблем современных международных отношений. Для разрешения этой проблемы в отношении дипломатии необходимо выстроить классификацию устоявшихся понятий, производных от категории «дипломатия», и уточнить структурные характеристики существующих дипломатических институтов, форм и сфер сотрудничества, в том числе развивающихся под влиянием глобализации.

Предпринимая попытку определения базовой категории, мы вынуждены отойти от традиционного государственно ориентированного подхода. В рамках теоретических дебатов в области политологии и международных отношений сторонники традиционной интерпретации дипломатии как государственной дипломатической службы сталкиваются со все большим количеством концепций, где понятия «дипломатия» и «дипломатические отношения» интерпретируются как относящиеся к широкому кругу не-

государственных видов деятельности, процессов, институтов и событий. Происходит отождествление с дипломатией любого трансграничного акта в исполнении отдельных учреждений, коллективов и индивидов, а также развитие теоретических постулатов о том, что «эпоха дипломатии как института сменяется эпохой дипломатии как поведенческой модели» [3, р. 286].

Наше видение проблемы можно охарактеризовать как признание необходимости найти компромисс между двумя радикальными подходами. Безусловно, сегодня ни правительства, ни ведомства иностранных дел не в состоянии проводить государственную внешнюю политику без учета интересов и общественно-политического потенциала ведущих неправительственных акторов. Более того, в некоторых сферах внешней политики правительства открыто или тайно делегируют свои дипломатические полномочия компаниям и некоммерческим организациям. Разумеется, это происходит только в том случае, если правительство уверено, что международная деятельность негосударственных партнеров не противоречит законодательству, будет способствовать реализации приоритетных направлений внешней политики и продвижению государственных интересов.

Таким образом, дипломатия используется в первую очередь правительствами, а также неправительственными субъектами, но при условии соответствия их действий национальным интересам и приоритетам внешней политики. Тогда основное, самое широкое определение категории «дипломатия» может быть сформулировано как *совокупность внешнеполитических принципов, правительственных и неправительственных институтов и политических инструментов, используемых нацией для реализации своих внешнеполитических интересов*. Такое широкое определение требует детального толкования, которое позволит обозначить границы дипломатии и приблизиться к пониманию ее структуры.

Представляется возможным выделить как минимум три основных параметра, определяющих структуру современной дипломатии:

— *совокупность принципов и правовых актов*, определяющих основу внешней политики государства и внешнеполитических полномочий органов власти. Их основу составляют статьи конституции государства о внешнеполитических функциях высших государственных органов, правовые акты, регулирующие статус министерства иностранных дел, а также некоторые положения концепций внешней политики, национальной безопасности и т. д.;

— *функции дипломатии* остаются такими же, как и в предыдущие столетия, несмотря на колоссальные изменения в характере системы международных отношений, гигантский скачок в развитии технологий и серьезный вызов монополии государств в международных делах. Среди основных функций следует упомянуть представительство, посредничество, переговоры, сбор и анализ информации, оказание услуг (консульские услуги);

— *служба* как повседневная профессиональная деятельность, осуществляемая государственными служащими в министерстве иностранных дел, а также в других органах системы государственной власти, участвующих в международном сотрудничестве.

Один из важнейших элементов в структуре современной дипломатии — *области сотрудничества и соперничества* акторов, в которых дипломатическое взаимодействие является наиболее активным и которые одновременно могут быть использованы в качестве инструмента достижения конкретных дипломатических целей. В эпоху классической дипломатии ядро государственных и национальных интересов создавалось прежде всего благодаря военной безопасности, экономическому благосостоянию и развитию торговли. В эпоху глобализации на первый план все чаще выходят области сотрудничества, которые всегда

оставались в числе второстепенных по значению международных вопросов — так называемой *low politics*: экология, спорт, права человека, гуманитарное сотрудничество и т. д. Сегодня каждая из этих сфер на международном уровне претендует на необходимость собственного дипломатического обеспечения. Например, спорт веками не имел серьезного значения в качестве фактора международных отношений. Однако со времени формирования мирового олимпийского движения (и особенно в наши дни) крупные спортивные мероприятия и ситуация вокруг них становятся весомым, порой весьма негативным фактором внешней политики и международных отношений [4].

Институты дипломатии представлены органами государственной власти, ответственными за осуществление внешней политики государства мирными средствами. Как известно, внутри структуры высших государственных институтов выделяют два типа органов внешних сношений: 1) конституционные органы, упомянутые в конституции или признанные высшими органами внешних сношений (национальный парламент, глава государства, глава правительства, министр иностранных дел) конкретными правовыми актами; 2) конвенционные органы, которые создаются и функционируют в соответствии со специальными правовыми актами, подтверждающими их подчиненный и нередко временный характер. Наиболее распространенными органами такого рода являются департаменты внешних связей министерств и ведомств, государственные межведомственные комиссии, комитеты по международному сотрудничеству и др. [5, с. 23–26].

Субгосударственный институциональный уровень — уровень так называемой парадипломатии, призванной обеспечить трансграничное сотрудничество между административно-территориальными единицами (регионами) различных государств [6, с. 14]. Номинально парадипломатия и ее институты не относятся

к системе дипломатических сношений между государствами, но в реальности внешняя экономическая или социально ориентированная деятельность таких институтов, как региональные парламенты и региональные органы исполнительной власти (особенно в федеративных государствах), порой делает их не менее влиятельными в международных делах, чем институты официальной дипломатии. Специфическими и все более весомыми субъектами парадипломатии являются глобальные города — наиболее активные и влиятельные мегаполисы в мировой экономике и торговле, научные и культурные центры (Лондон, Москва, Нью-Йорк, Париж, Сеул, Токио и др.).

Различия между *формами* дипломатии также обусловлены влиянием глобализации. В последние полтора десятилетия наряду с традиционными формами дипломатического взаимодействия, включающими устное и письменное общение между дипломатическими агентами (или с дипломатическими агентами), развиваются различные версии так называемой цифровой дипломатии, использующей виртуальное пространство интернета в качестве среды и средства связи между участниками дипломатической коммуникации [7]. В своем стремительном развитии средства цифровой связи позволяют вовлекать в дипломатические отношения новых акторов, в том числе негосударственных.

Структурные элементы дипломатии неотделимы друг от друга и оказывают взаимное влияние. Представляется, что схематично структуру современной дипломатии можно было бы представить следующим образом (см. схему ниже).

Влияние процесса глобализации в сфере дипломатии менее заметно, чем в области экономики или культуры, поскольку содержание и направленность дипломатии определяются в первую очередь внешней политикой, неразрывно связанной с суверенными правами государства. Проявления глобализации, пока не затрагивая саму суть дипломатии,

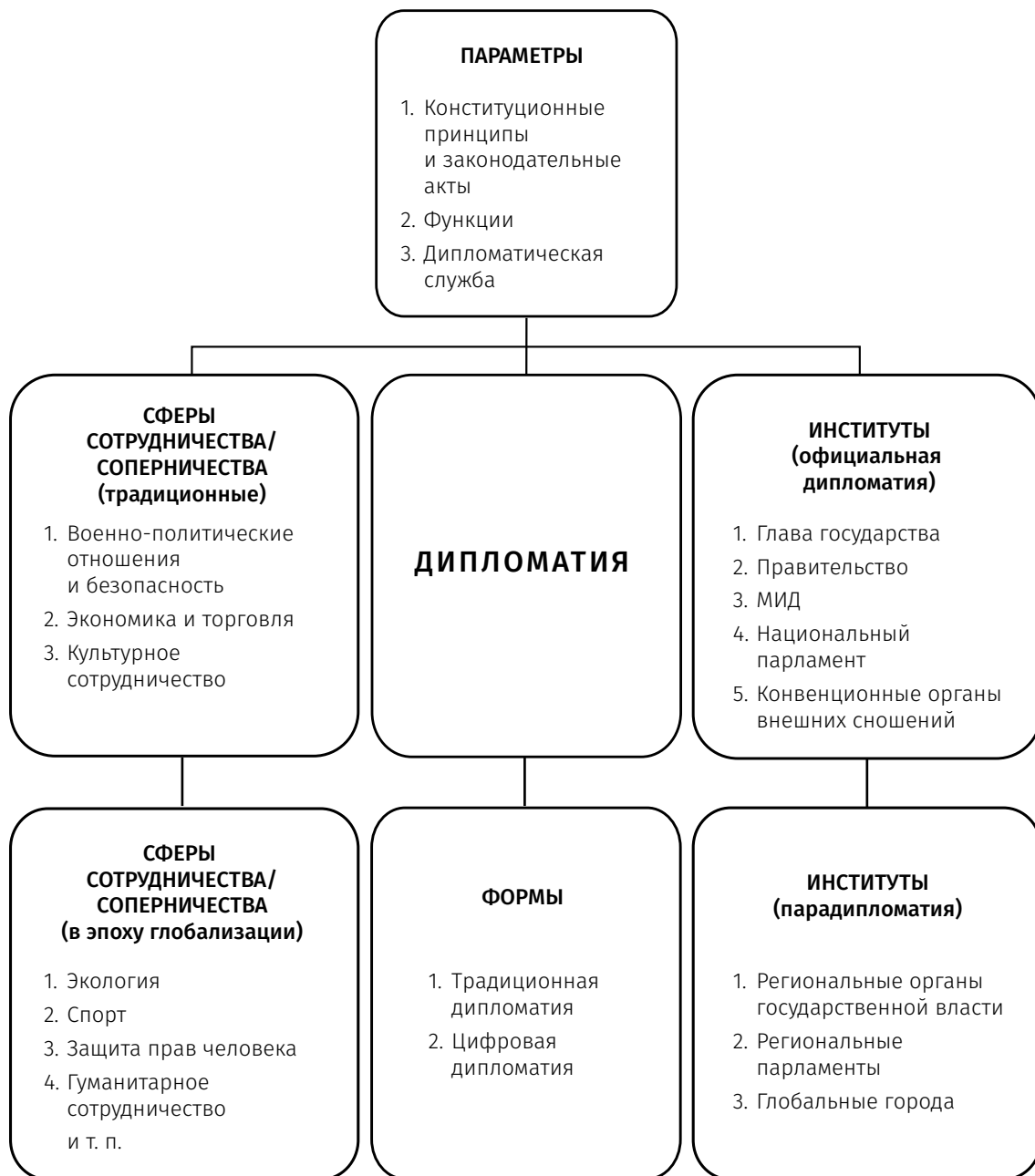
становятся очевидными вследствие трансформации методов и форм внешнеполитического взаимодействия. Эта тенденция становится очевидной при сопоставлении практики дипломатических отношений XIX–XX вв. с современностью. На наш взгляд, можно выделить несколько особенностей современной дипломатии, возникших вследствие глобализации.

Приоритет экономики и культуры.

Дипломатия всегда была связана с экономикой, и в частности с развитием международной торговли. Но, в отличие от предыдущих исторических периодов, эпоха глобализации, развивая довольно жесткую систему экономической конкуренции, в то же время все более способствует росту взаимозависимости экономических систем различных государств. Как следствие, в развитых странах, играющих ведущую роль в мировой экономике, создаются и укрепляются экономические подразделения внешнеполитических институтов. Некоторые лидеры, как, например, бывший премьер-министр Италии С. Берлускони, выступают за инициативу выдвижения в качестве послов успешных бизнесменов и руководителей крупных корпораций [8, с. 115]. В дипломатических представительствах за рубежом также за последние годы значительно увеличился штат экономических подразделений.

Личная дипломатия политических лидеров. В классический век дипломатии обеспечение связи между государствами было ее главной ролью. Посол действовал за границей от имени своего государя и/или коллективного правительственного органа и являлся, таким образом, символическим фактотумом политического лидера [9, с. 46–57]. Дальние расстояния между столицами, неудовлетворительное состояние дорог и политические риски в связи с длительным отсутствием не способствовали частым заграничным путешествиям глав государств и стали одной из причин создания постоянных дипломатических представительств. Сегодня основные

Структура современной дипломатии

проблемы двусторонней и глобальной дипломатической повестки дня часто обсуждаются и решаются при личном участии глав государств и правительств. Развитая глобальная транспортная система и современные средства связи позволяют сегодня президентам и премьер-

министрам принимать участие в любых важных событиях по всему миру. Разумеется, рутинные дипломатические и консульские функции по-прежнему выполняются дипломатическими представителями и представительствами, но за последние 20–30 лет число обычных

и чрезвычайных международных встреч на высшем уровне значительно возросло. Так, согласно подсчетам американских исследователей, президент Б. Клинтон в период с 1993 г. по 2000 г. совершил 133 зарубежных визита. Это больше, чем общее число визитов президентов Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона и Р. Никсона [10, р. 501–502].

Дипломатия турне и челночная дипломатия. Эта особенность дипломатии в эпоху глобализации тесно связана с предыдущей. Действительно, при организации обычного зарубежного визита главы государства, правительства или министра все чаще предполагается посещение нескольких стран соответствующего региона. Эта практика особенно распространена среди лидеров крупных западных стран, так как позволяет продемонстрировать глобальный характер интересов своих государств в отдаленных регионах Азии, Африки и Латинской Америки. При необходимости визит-турне может быть осуществлен в совершенно сжатые сроки, как это было в случае с поездкой президента В. Путина в Сирию, Турцию и Египет в течение одного дня 11 декабря 2017 г. [11].

Челночная дипломатия является формой дистанционного посредничества, осуществляемого в отношении акторов, которые не в состоянии или не желают встречаться за столом переговоров. Ярким примером челночной дипломатии в ситуации международного кризиса являются неоднократные поездки министра иностранных дел Франции Б. Кушнера через Париж, Брюссель, Москву и Тбилиси во время событий в Южной Осетии в августе 2008 г. [12].

Многосторонняя дипломатия. На протяжении последних двух десятилетий международная политическая и экономическая повестка дня требует от государств все больше совместных усилий в целях решения глобальных проблем и развития регионального многостороннего сотрудничества. Именно поэтому, в отличие от международной практики XIX–XX вв., когда дипломатические кон-

грессы или конференции в основном созывались для подведения итогов масштабных войн, многостороннее сотрудничество сегодня приобретает все-сторонний и фактически непрерывный характер. Примечательно, насколько значительно за последние годы увеличилось число межправительственных организаций, не говоря уже о десятках дипломатических конференций, регулярных и разовых встречах в многостороннем формате. По некоторым данным, в период с 1993 г. по 2013 г. количество межправительственных организаций в мире выросло с 5104 до 7710 [13, р. 177–178]. Совершенно очевидно, что главные причины развития многосторонней дипломатии заключаются в возрастании экономической и, как следствие, политической взаимозависимости государств, а также масштабов глобальных вызовов и угроз.

Гражданский контроль, открытость и прозрачность. Дипломаты и дипломатические институты как составляющие государственной бюрократической системы всегда имели отношение к высшим государственным тайнам и в определенной степени сами являлись их частью. На протяжении истории подлинные политические мотивы и сам процесс принятия решений в дипломатии (так же, как и во внутренних делах) чаще всего оставались неизвестными широкой общественности. Процесс глобализации в мировой экономике, тесно связанный с процессом демократизации, ведет к повышению роли гражданского общества, росту числа неправительственных организаций в области защиты прав человека, экологии, социальной сплоченности, образования и т. д. Значительное влияние независимых СМИ в развитых странах обеспечивает постоянный контроль со стороны гражданского общества над государственной машиной, ее функционированием и эффективностью. Как следствие, государство и его институты, для того чтобы соответствовать современным стандартам демократической государственности, вынуждены действовать мак-

симально открыто и прозрачно. Порой эта тенденция приводит к стрессу среди представителей государственных органов, деятельность которых основана на защите государственной тайны и принятии конфиденциальных решений. Тем не менее сегодня большинство органов государственной власти стараются поддерживать приемлемый уровень собственной доступности для гражданского общества, СМИ и демонстрировать достаточную степень прозрачности принимаемых решений.

Дальнейшая трансформация дипломатии как инструмента внешней политики государств неизбежно будет происходить под влиянием глобализации. Представляется, что при этом наибольшее значение приобретут такие факторы,

как рост числа и влияния нетрадиционных акторов и использование в дипломатической практике новейших интернет-технологий — социальных сетей, электронного правительства и, возможно, искусственного интеллекта.

В настоящий момент влияние указанных факторов напрямую не сказывается на главных задачах дипломатии — официальном представительстве государства за рубежом и политических переговорах. Успешное развитие дипломатии в ближайшие десятилетия будет зависеть от того, насколько предсказуемой и позитивной станет дальнейшая глобализация международной среды для внешней политики отдельных государств и межгосударственных отношений в целом.

Использованные источники

1. Saddiki S. Diplomacy in a Changing World // Alternatives: Turkish Journal of International Relations. 2006. Vol. 5. № 4.
2. Evans G., Newnham J. The Penguin Dictionary of International Relations. L.: Penguin Books, 1998.
3. Keely J. R. The New Diplomacy: Evolution of a Revolution // Diplomacy & Statecraft. 2010. № 21.
4. Осинина Д. Д., Урожок Е. А. Спорт и политика в современном мире // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 2.
5. Захарова Л. М., Коновалова А. А. Основы дипломатической и консульской службы. Минск: РИВШ БГУ, 2001.
6. Барышников Д. Н., Костюк Р. В., Ткаченко С. Л. Эффективность дипломатии. СПб.: ВВМ, 2009.
7. Терещук В. И. Роль технологий электронного PR во внешнеполитической сфере // Studia Humanitatis. 2015. № 3.
8. Зонина Т. В. Дипломатическая служба Италии // Дипломатия иностранных государств. М.: МГИМО, РОССПЭН, 2004.
9. Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.
10. Wilson T. A. Summit Conference // DeConde A., Burns R. D., Logevall F. (Eds.). Encyclopedia of American Foreign Policy: Studies of the Principle Movements and Ideas. 2nd edition, Vol. 3 (O-W). N. Y.: Charles Scribren's Sons, 2002.
11. Васильев Н. Сирия, Египет и Турция за один день: ближневосточное турне Путина // Официальный сайт «ТВ Центр». URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/129132/> (дата обращения: 16.12.2017).
12. Бернар Кушнер вылетел в Тбилиси и Москву с посреднической миссией // Сайт inFrance — о Франции по-русски. URL: <http://www.infrance.su/forum/showthread.php?t=44229> (дата обращения: 16.12.2017).
13. Baryshnikov D. International Organizations // Russia and the World: Understanding International relations (Ed. N. Tsvetkova). Lexington Books, 2017.

М. О. Селютин

Интеграция высшего образования в Европе в 1950–1990-е годы

Аннотация: Статья раскрывает основные вехи в развитии интеграционных процессов в области образования на территории Европейского союза, долгий путь к единому пространству высшего профессионального образования и становление Болонской системы, некоторые сложности при формировании единого образовательного пространства в рассматриваемый период с 50-х до 90-х гг. XX в.

Ключевые слова: образование, интеграция в образовании, история образования, Болонский процесс, Европейский союз, единое образовательное пространство.

Об авторе

Максимиллиан Олегович Селютин (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — советник отдела обеспечения модельного законодательства в сфере безопасности и международно-правового сотрудничества экспертно-аналитического управления Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ, секретарь Постоянной комиссии МПА СНГ по политическим вопросам и международному сотрудничеству; maxim_selutin@mail.ru.

M. Selyutin

Integration of Higher Education in Europe in the 1950–1990^s

Summary: The article reveals the main milestones in the development of integration processes in the field of education on the territory of the European Union, the long way to a single space for higher professional education and the formation of the Bologna system, some difficulties in the formation of a unified educational space in the period under review, from the 1950^s to the 1990^s.

Keywords: education, integration in education, history of education, the Bologna Process, European Union, a single educational space.

About the Author

Maksimillian Selyutin (St. Petersburg, Russian Federation) — Advisor of the Support Unit of Model Law-Making in the Fields of Defense and Legal International Cooperation of the Expert and Analytical Directorate of the CIS Interparliamentary Assembly Council Secretariat, Secretary of the Permanent Commission on Political Issues and International Cooperation; maxim_selutin@mail.ru.

После окончания Второй мировой войны в Европе наблюдалось значительное увеличение количества населения, получающего высшее образование. Благодаря достижениям в науке, технологиям и индустриализации вырос объем производства и повысился уровень жизни. Однако первым государством, пережившим массовизацию высшего образования, стали Соединенные Штаты. В развивающихся странах Азии это произошло позднее, а в Латинской Америке данная тенденция стала наблюдаться лишь в последние несколько лет. Совместная деятельность государств Европы в области сотрудничества в сфере образования в 1950-х гг. происходила, в частности, в рамках Совета Европы. 11 декабря

1953 г. в Париже под эгидой Совета Европы была подписана Европейская конвенция об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты, вступившая в силу 20 апреля 1954 г. [1]. Согласно данной конвенции, стороны, подписавшие ее, признают эквивалентность дипломов, позволяющих поступить в университеты присоединившихся к данной конвенции стран, в которых прием в вузы контролируется государством.

15 декабря 1956 г. 12 государств — членов Совета Европы подписали Европейскую конвенцию об эквивалентности периодов университетского образования, целью которой было обеспечение признания срока обучения студента, изучающего современные языки в универси-

тете другой страны-участницы, на его родине. Количество стран — членов Совета Европы, ратифицировавших данную конвенцию, с 1956 г. до сегодняшнего дня возросло с 12 до 29. В декабре 1959 г. была подписана Европейская конвенция об академическом признании университетских квалификаций, согласно которой обладатель научной степени или диплома, получив образование в одной из стран — участниц конвенции, может стать обладателем следующей степени в любой другой стране-участнице на тех же условиях, которые применяются к гражданам принимающей стороны с похожей квалификацией. Более того, полученная таким образом степень или диплом при условии, что есть данные об их происхождении, могут быть использованы в любой другой стране — участнице конвенции. По мере углубления экономической и политической интеграции стран Европы Болонский процесс стал результатом предшествующих инициатив, таких как создание единого рынка труда, стирание границ между государствами, устранение проблем с трудоустройством. Также Болонский процесс служит механизмом достижения целей, которые прописаны в основополагающих договорах Европейского союза.

Решением Совета Европейского экономического сообщества от 2 апреля 1963 г. в Брюсселе были приняты «Общие принципы реализации общей политики в сфере профессионального образования». Данный документ содержит 10 принципов, которым государства-участники должны следовать для поддержания высокого уровня занятости в контексте изменений на рынке труда требований к профессиональной подготовке и развития производственных технологий, для продвижения идеи свободы передвижения рабочей силы, свободы в выборе профессиональной деятельности, свободы в выборе места обучения и работы в любом возрасте [2]. В «Общих принципах реализации общей политики в сфере профессионального образования» впервые говорится о необходимости вы-

работки единой политики для обеспечения экономической и социальной стабильности общества. Однако в документе под названием «Общие рекомендации для формирования программы Сообщества по профессиональной подготовке», принятом Европейской комиссией 26 июля 1971 г., утверждалось, что цели, изложенные в Римском договоре [3] и в «Общих принципах реализации общей политики в сфере профессионального образования», не были достигнуты по ряду причин.

С 1970-х гг. в высших учебных заведениях и сопутствующих организациях постепенно увеличивается количество таких должностей, как администраторы высших учебных заведений, специалисты по высшему образованию и руководители среднего уровня. Это высококвалифицированные профессионалы, отвечающие за процессы обучения и проведения исследований, а также за обслуживание и администрирование, для чего требуются навыки и знания об основных функциях высшего образования, т. е. об обучении и исследованиях. Исследования в области высшего образования становятся все больше востребованными среди тех, кто отвечает за консультирование студентов, работу с кадрами, подготовку учебных материалов, анализ, международные отношения, службы по развитию карьеры, научно-технический обмен и т. д. К началу 1980-х гг. произошла особая активизация студенческого движения в Европе, в результате которой в 1982 г. семь национальных студенческих союзов Норвегии, Великобритании, Швеции, Исландии, Франции и Дании объединились в Западноевропейское студенческое информационное бюро (West European Student Information Bureau, WESIB). В 1990 г. Бюро было переименовано в ESIB из-за вступления в эту организацию студенческих союзов из Восточной Европы, а в 2007 г. — в Европейский студенческий союз (European Student Union, ESU).

С введением программы «Эразмус» в 1987 г. была запущена Европейская

система перевода и накопления кредитов (European Community Course Credit Transfer System, ECTS), которая до сих пор используется вузами, способствует мобильности студентов в Европе и позволяет сравнивать учебные программы и курсы [4]. Кредиты ECTS характеризуют нагрузку студентов по времени, которое должно быть потрачено на завершение курса или курсовой единицы. Изначально этот проект был запущен на пробный период с 1988 г. по 1995 г., и в нем участвовали 145 высших учебных заведений из всех стран — участниц ЕС и европейского образовательного пространства. В проект было включено пять областей: управление предприятиями, химия, история, машиностроение и медицина.

С января 1995 г. по май 1996 г. была проведена программа по расширению пилотного проекта для включения в него новых предметов, а осенью 1995 г. Европейская комиссия пригласила вузы представить свои планы по внедрению системы ECTS в большем количестве дисциплин. Впоследствии участие в ECTS стало обязательным требованием в рамках реализации программы «Эразмус» при заключении договоров между Европейской комиссией и вузом, под которые на введение ECTS выдавались гранты. Использование вузами системы ECTS стало обязательным условием для получения финансирования со стороны ЕС на программы студенческой мобильности. В 1998 г. была создана специальная служба поддержки по ECTS, оказывающая содействие в вопросах применения данной системы.

По инициативе, выдвинутой старейшим университетом Европы в 1986 г., на главной площади в Болонье 18 сентября 1988 г. ректоры 388 университетов подписали Великую хартию университетов (Magna Charta Universitatum) [5]. Таким образом, в ознаменование 900-летия Болонского университета Великая хартия утвердила восемь важных пунктов, в которых отражены основные принципы и ценности в деятельности университетов, их роль на пороге нового тысяче-

летия и пути достижения поставленных целей. Данный документ является декларацией, изложенной на двух страницах и определяющей ключевые философские основы существования университетов.

Подписавшись под данным документом, ректоры европейских университетов закрепили свои серьезные намерения в «поощрении мобильности среди преподавательского состава и студентов», более того, было согласовано то, что «крайне необходимо в современных условиях выработать общую политику равных статусов, должностей и экзаменов (без привязки к национальным дипломам) и присвоения ученых степеней» [5]. На сегодняшний день Великую хартию подписали уже 776 университетов из 81 страны, в том числе и 15 российских университетов [6].

В 1990-е гг. также начинают стабилизироваться формальные процедуры по обеспечению качества высшего образования на национальном уровне. Это обуславливалось двумя факторами. Все большую степень развития приобретала массовизация высшего образования, происходило становление его доступности не только для элитных слоев общества, и одновременно с этим росла необходимость обеспечения его качества в изменяющихся условиях. Последнее требовалось в том числе для повышения мобильности среди студентов в Европе в рамках программы «Эразмус» и развития европейского измерения. Для признания эквивалентности обучения в другой стране следовало подтвердить, что пройденный в иностранном вузе курс обучения надлежащего качества. В 1991 г. Европейская комиссия выступила с инициативой по изучению механизмов обеспечения качества в государствах-членах. Так как лишь несколько государств приняли формальные меры по внешнему обеспечению качества, Европейская комиссия приняла решение пересмотреть процесс преподавания и обучения по определенным дисциплинам, используя общий подход к проведению оценки.

На международную интеграцию в сфере высшего образования также повлияло то, что 11 апреля 1997 г. в Лиссабоне была подписана Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе, подготовленная Советом Европы совместно с ЮНЕСКО. Это послужило причиной серьезных изменений в системах образования различных государств. Стало сложнее следовать принципу международного признания, особенно в условиях, когда появилось множество негосударственных вузов и вузов, предлагающих узкоспециализированное образование или нетрадиционные образовательные программы с непродолжительным периодом обучения либо углубленное изучение предметов по определенной специальности. При этом согласно статье VIII.2 Конвенции в систему образования стран, подписавших ее, входят и государственные, и частные вузы [7].

Одним из самых важных документов стала Сорбоннская декларация (Совместная декларация о гармонизации структуры европейской системы высшего образования), подписанная 25 марта 1998 г. министрами образования Франции, Германии, Италии и Великобритании по случаю 800-летия Парижского университета Сорбонны. В Сорбоннской декларации говорится, в частности, о необходимости «прогрессивной гармонизации общей системы получения ученых степеней, курсов лекций посредством активного применения накопленного опыта, совместных дипломов, новых инициатив и диалога со всеми заинтересованными сторонами». В качестве инструментов по достижению поставленной цели признаются: использование системы кредитов, создание общей системы степеней, которая делится на два уровня (степени бакалавра и магистра), усовершенствование признания квалификаций. В качестве приоритета выделяется поощрение международной мобильности и среди студентов, и среди преподавательского состава, так как на тот момент большинство студентов оканчивали университеты,

не имея возможности получить хотя бы часть образования за границей. В декларации также подчеркивается центральная роль университетов в области развития европейских культурных пространств. Но самым важным положением данного документа можно назвать призыв к созданию Европейского пространства высшего образования, в котором могли бы состоять различные государства, причем не только государства — участники Европейского союза, но и другие европейские страны, разделяющие общие интересы в обеспечении их граждан возможностью получить образование, соответствующее современным требованиям. При этом общее пространство должно быть создано с учетом всех национальных особенностей государств-участников.

Сорбоннская декларация стала, по сути, предшественницей Болонской декларации. Она отражает озабоченность европейских стран в отношении конкурентоспособности и международной привлекательности европейского высшего образования, в особенности по сравнению с Северной Америкой и Австралией. В сравнении с развивающимися и многообещающими азиатскими системами образования Европа, за исключением Великобритании, также потеряла лидерство. Вероятно, успех системы высшего образования Соединенного Королевства стал причиной того, что впоследствии именно англо-саксонская модель высшего образования, а не континентальная или скандинавская, например, была выбрана в качестве основы Болонского процесса. Однако международное признание англо-саксонской системы можно объяснить и с точки зрения исключительного мирового статуса английского языка, а не только совершенством структуры образовательных учреждений. Таким образом, Сорбоннская декларация отражает обеспокоенность по поводу конкурентоспособности европейского высшего образования, вызванную в основном экономическими факторами, а также идеями, основанными на традиционных европейских культурных ценностях.

Использованные источники

1. Европейская конвенция об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты (Париж, 11 декабря 1953 г.): официальный перевод Российской Федерации для подготовки к ратификации. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016800645e5> (дата обращения: 21.12.2014).
2. Treaty establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957). URL: http://www.cvce.eu/en/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-сс6ба28-0bf3-4се6-8а76-6b0b3252696e.html (дата обращения: 07.11.2014).
3. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе (Лиссабон, 11 апреля 1997 г.). URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f5> (дата обращения: 21.12.2014).
4. Council decision of 15 June 1987 adopting the European Community Action Scheme for the Mobility of University Students (ERASMUS) (87/327/EEC) // Official Journal of the European Communities. No. L 166/20, 25.6.87. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31987D0327&qid=1412248552251&from=EN> (дата обращения: 08.11.2014).
5. Magna Charta Universitatum (Bologna, 18 September 1988). URL: <http://www.magna-charta.org/resources/files/the-magna-charta/English> (дата обращения: 19.12.2017).
6. The list of Universities which signed the Magna Charta Universitatum // The Magna Charta Observatory website. URL: <http://www.magna-charta.org/cms/cmspage.aspx?pageUid={8e9114fe-86db-4d26-b9d7-167c03d479aa}> (дата обращения: 08.11.2014).
7. Council decision of 2 April 1963 laying down general principles for implementing a common vocational training policy (63/266/EEC). 1338/63, 20.4.63. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31963D0266&from=EN> (дата обращения: 07.11.2014).

А. Т. Алтыбаева

Первая парламентская республика в Центральной Азии: Кыргызстан

Аннотация: В статье представлены события, связанные с переходом в государственном устройстве Кыргызской Республики от президентской к парламентской республике.

Ключевые слова: парламентская республика, государственное устройство, выборы, парламент, Кыргызская Республика.

Об авторе

Айнуру Тойчиевна Алтыбаева (Бишкек, Кыргызская Республика) — депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики; кандидат юридических наук; altybaeva_a@mail.ru

---

A. Altybaeva

The First Parliamentary Republic in Central Asia: Kyrgyzstan

Summary: The events connected with the transition in the state structure of the Kyrgyz Republic from the presidential to the parliamentary republic are described.

Keywords: parliamentary republic, state structure, elections, parliament, Kyrgyz Republic.

About the Author

Ainuru Altybaeva (Bishkek, Kyrgyz Republic) — Member of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic, Candidate of Juridical Sciences; altybaeva_a@mail.ru

---

После распада Советского Союза в начале 1990-х многим казалось, что политический переход возможен только к развитой и стабильной демократии. Однако практика оказалась сложнее теории. На исходе двух десятилетий суверенитета мы вынуждены признать, что все еще далеки от своей цели. Уже к середине 1990-х первый демократический импульс иссяк. В Кыргызстане началось формирование авторитарного семейно-кланового режима в форме государства с недопустимо широкими полномочиями президента. Парламент, правительство, суды и гражданское общество были лишены реальных рычагов сдерживания президентской власти. Свидетельством неэффективности режима личной власти стали народные восстания 2005 г. и 2010 г. Особенно драматичным для нашего общества явился 2010 г. На фоне кризиса власти на юге Кыргызстана произошли массовые столкновения, погибли сотни людей.

Народное восстание в апреле 2010 г., вызванное глубоким кризисом политической системы, давало власти беспспорное моральное право на кардинальные преобразования. Было созвано Конституционное совещание. Новая концепция представляла собой консолидированное, согласованное видение будущей конституционной реформы представителями политических партий, видными общественными и политическими деятелями Кыргызстана. На Конституционном референдуме 2010 года за новую Конституцию проголосовали более 90% избирателей.

Следует отметить, что соседи по региону отнеслись к политической реформе в Кыргызстане с недоверием и опаской. За 20 лет, прошедших с момента распада СССР, Центральная Азия основательно привыкла к такой форме государственного устройства, как президентская республика. В этом смысле Кыргызстан, выбрав парламентаризм — государственное устройство в форме

парламентской республики¹, создал в регионе прецедент, который многим показался нежелательным. Весной 2010 г., когда в Кыргызстане проходило Конституционное совещание, некоторые соседи закрыли свои границы с нашей страной. Кыргызстан оказался в негласной экономической блокаде. И лишь благодаря твердой позиции власти того времени и стремлению общества к переменам, конституционную реформу удалось довести до конца. Мы выдержали давление и сумели изменить модель развития страны.

В соответствии с новой Конституцией значительно расширены полномочия парламента, правительства и радикально сокращены полномочия президента, установлена выборность глав местных государственных администраций, органов местного самоуправления и судебного корпуса. Из представителей гражданского общества, широкого спектра различных партий и общественных организаций создан коллегиальный орган по публичному отбору кандидатур в судьи. Центральная избирательная комиссия создается из тех, чьи кандидатуры были представлены правящей коалицией, парламентской оппозицией, президентом. С точки зрения механизма формирования подотчетности правительства Кыргызстан стал первой в Центральной Азии парламентской республикой.

В октябре 2010 г. впервые за 20 лет в Кыргызстане прошли открытые, конкурентные выборы в парламент, а в 2015 г. парламентские выборы состоялись с применением новых технологий, голосование проводилось на основе идентификации избирателей по биометрическим данным. Сегодня в парламенте представлены шесть партийных фракций. Парламентская оппозиция впервые имеет право на активное участие в формировании государственных институтов, возглавлять

бюджетный комитет и комитет по правопорядку. Создано первое в Центрально-Азиатском регионе коалиционное правительство.

Парламент, несмотря на разнообразие политических сил, присутствующих в нем, продолжает осуществлять реформы системы государственного управления. За первые годы его работы приняты пакеты законов по реформе правительства, административно-территориального устройства, местных государственных администраций, местного самоуправления, судебной и избирательной систем, прокуратуры, Счетной палаты и других государственных органов. Проведены выборы депутатов местных советов — районных, городских и сельских. Ожидается, что в результате этих выборов в регионах Кыргызстана будет сформирована новая генерация политических управленцев.

Разумеется, в Кыргызстане и за его пределами некоторые политики и эксперты критически настроены в отношении парламентского правления. Но это только подтверждает, что в демократическом обществе есть место сомнениям и различию точек зрения. Однако судить о качестве, эффективности новой системы по итогам короткого времени было бы несправедливо. О предварительных результатах ее функционирования можно будет говорить через три-четыре избирательных цикла или через 15–20 лет, а до тех пор потребуются кропотливая и упорная работа по отстаиванию и укреплению идеи новой политической системы — парламентской республики.

Сегодня депутаты парламента сталкиваются со множеством проблем, которые вполне разрешимы. В первую очередь это недостаток опыта во взаимодействиях между фракциями различных политических убеждений — парламентского большинства и оппозиции.

Кроме того, оставляют желать лучшего стратегическое планирование работы парламента, решение вопросов эффективной разработки законопроектов и процедуры их принятия.

¹ Под парламентаризмом понимают систему государственного устройства, где четко разграничены функции законодательной и исполнительной ветвей власти при наделении законодательной власти — парламента — функцией контроля над исполнительной властью.

Взаимодействие с правительством и гражданским обществом также не всегда дает желаемые результаты, и здесь есть необходимость приобретения новых знаний и опыта стран с парламентским правлением. Мы пока не умеем показать положительную парламентскую работу в публичном пространстве, и, как следствие, деятельность парламента выставляется только в негативном свете. В информационном публичном пространстве мы все еще проигрываем, чем хорошо пользуются наши оппоненты, которые выступают за возврат к концентрации власти в одних руках.

Политический переход, который начался для Кыргызстана в 2010 г., еще не завершился. Следуя путем проб и ошибок, мы нашли свою модель развития и шаг за шагом претворяем ее в жизнь.

15 октября 2017 г. в Кыргызстане прошли выборы Президента Кыргызской Республики. Необходимо отметить, что выборы выиграл тот кандидат, который в своей программе и предвыборной кампании определил системное развитие парламентской демократии. Теперь мы можем сделать основной вывод для себя: выбор страны в пользу дальнейшего развития парламентской демократии стал очевидным по итогам президентских выборов. Это означает поддержку деятельности парламента и дальнейшего продвижения нашей работы с еще большей эффективностью и результативностью. И хотя количество проблем и вызовов, стоящих перед нашим обществом, не позволяет почивать на лаврах, мы с оптимизмом смотрим в будущее.

Народ Кыргызстана создает свою демократию, потому что имеет на это право — и моральное, и политическое.

С. А. Чалгимбаева

О разработке концепций модельных законов в области информационно-коммуникационных технологий для государств — участников СНГ

Аннотация: На примере разработки проектов концепций модельных законов для государств — участников СНГ «Об электронном нотариате на основе сервисов и служб доверенных третьих сторон» и «О развитии информационного общества» показана деятельность в сфере модельного законотворчества базовой организации СНГ, осуществляющей методологическое и организационно-техническое обеспечение работ в области информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: модельный закон, СНГ, электронный нотариат, информационное общество, информационно-коммуникационные технологии.

Об авторе

Сауле Аймухановна Чалгимбаева (Астана, Республика Казахстан) — главный менеджер департамента методологического развития в области ИКТ АО «Национальный инфокоммуникационный холдинг “Зерде”»; schalgimbayeva@zerde.gov.kz

S. Chalgimbayeva

On the Development of Concepts of Model Laws in the Field of Information and Communication Technologies for the CIS Member States

Summary: On the example of the development of draft concepts of model laws for the CIS member states «On electronic notary on the basis of services of trusted third parties» and «On the development of the information society», activities in the sphere of model law making of the CIS basic organization that provides methodological and organizational support in the field of information and communication technologies are described.

Keywords: model law, CIS, electronic notary, information society, information and communication technologies.

About the Author

Saule Chalgimbayeva (Astana, Republic of Kazakhstan) — Chief Manager of the Department of Methodological Development in the Field of ICT of JSC National Infocommunication Holding «Zerde»; schalgimbayeva@zerde.gov.kz

В ноябре 2014 г. Советом глав правительств СНГ было принято решение о придании компании АО «Национальный инфокоммуникационный холдинг “Зерде”» статуса базовой организации государств — участников СНГ, осуществляющей методологическое и организационно-техническое обеспечение работ в области информационно-коммуникационных технологий [1]. На сегодня холдинг «Зерде» в качестве базовой организации осуществляет следующую деятельность:

— участие в подготовке рекомендаций по вопросам формирования политики

государств — участников СНГ, направленной на системное и широкомасштабное применение информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ);

— формирование и развитие информационного общества в государствах — участниках СНГ и их интеграция в мировое информационное пространство;

— разработка рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой и нормативно-технической базы в сфере ИКТ и др.

Одним из значимых направлений работы холдинга «Зерде» в качестве

базовой организации СНГ в сфере информационно-коммуникационных технологий является разработка проектов концепций модельных законов «Об электронном нотариате на основе сервисов и служб доверенных третьих сторон» и «О развитии информационного общества». В сфере модельного законотворчества для СНГ холдинг «Зерде» работает в тесном контакте с Секретариатом Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, для которой разработка модельных законов — одно из главных направлений деятельности [2].

Так, проект концепции модельного закона «Об электронном нотариате на основе сервисов и служб доверенных третьих сторон» был разработан на основе решения, принятого 10 ноября 2015 г. на 16-м заседании Экспертного совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ — Регионального содружества в области связи (РСС). Основными предпосылками разработки проекта концепции упомянутого модельного закона стали:

— развитие электронного нотариата на территории постсоветского пространства и необходимость формирования единого подхода к введению и развитию систем электронного нотариата в странах СНГ;

— необходимость унификации законодательства по внедрению электронного нотариата в государствах — участниках СНГ, а также внедрения электронного нотариата на основе сервисов и служб доверенных третьих сторон;

— необходимость оптимизации взаимодействия между государствами — участниками СНГ в рамках электронного нотариата.

В ходе разработки этого проекта сотрудники холдинга изучили опыт использования системы электронного нотариата в странах Западной и Центральной Европы (Испании, Голландии, Германии, Италии, Австрии, Франции), Латинской Америки, а также Соединенных Штатов Америки. Также был проанализирован опыт использования ин-

формационно-коммуникационных технологий в данной сфере в странах СНГ (в Республике Казахстан, Российской Федерации), а также в Латвии, Грузии и Эстонии, изучены их стратегические документы и нормативные правовые акты, регламентирующие систему электронного нотариата. Результаты анализа международного опыта показали, что автоматизация нотариальной деятельности не только облегчает работу органов власти и нотариусов, но также обеспечивает и гарантирует информационную безопасность.

На основании результатов исследований был разработан проект концепции модельного закона «Об электронном нотариате на основе сервисов и служб доверенных третьих сторон», в котором четко определены его основные принципы, цели и задачи, среди которых:

— создание условий для внедрения и развития электронного нотариата;

— обеспечение взаимодействия между государствами — участниками СНГ в рамках электронного нотариата;

— ведение централизованного реестра нотариальных действий нотариусов;

— обеспечение качества работы нотариусов за счет информационной поддержки их деятельности, а также повышение эффективности оказания нотариальных услуг;

— обеспечение легитимности и защищенности сделок и иных обращений посредством внедрения электронного нотариата;

— обеспечение информационной безопасности электронного нотариата;

— обеспечение доступа уполномоченных лиц государств — участников СНГ к информационной системе электронного нотариата.

По структуре модельный закон «Об электронном нотариате на основе сервисов и служб доверенных третьих сторон» должен состоять из восьми глав, в которых будут регламентированы общие понятия, используемые в данном модельном законе: государственная политика по развитию электронного нота-

риата, правовое обеспечение электронного нотариата, принципы и условия технической реализации электронного нотариата, обеспечение информационной безопасности электронного нотариата, межгосударственное взаимодействие в рамках электронного нотариата. Кроме того, модельный закон должен также содержать переходные и заключительные положения.

Проект концепции модельного закона «О развитии информационного общества» был разработан на основе идеи, заложенной в пункте 2 Окинавской хартии Глобального информационного общества (г. Окинава, Япония, 22 июля 2000 г.): «Суть стимулируемой ИТ экономической и социальной трансформации заключается в ее способности содействовать людям и обществу в использовании знаний и идей. Информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления» [3].

Сегодня информационное общество регламентировано, помимо Окинавской хартии Глобального информационного общества, такими международными документами, как Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» и План действий к ней (Женева, 2003) [4], Тунисская программа для информационного общества и Тунисское обязательство (Тунис, 2005) [5].

Главными предпосылками разработки проекта концепции модельного закона «О развитии информационного общества» являются: различия в уровне развития технологий и информационного общества в государствах — членах СНГ на текущем этапе, а также необходимость актуализации наднациональной законодательной базы в области ИКТ в странах Содружества.

В ходе разработки проекта концепции модельного закона «О развитии информационного общества» сотрудники базовой организации проанализировали текущее состояние развития информа-

ционного общества в государствах СНГ. Изучение опыта и текущих нормативных документов показало неравномерность развития информационно-коммуникационных технологий по странам Содружества. Это в первую очередь связано с уровнем технологического развития, экономическим положением стран, уровнем дохода на душу населения и другими факторами, которые напрямую влияют на развитие информационного общества. Проблема развития информационного общества в странах Содружества требует системного и комплексного подхода к ее решению, а также проявления политической воли государств — участников СНГ. Сформированные правовая и технологическая базы в странах-участницах, подготовленные квалифицированные специалисты позволят работать над переходом к информационному обществу.

В связи с этим в проекте концепции модельного закона «О развитии информационного общества» предложено закрепить регулирование отношений в следующих сферах, характерных для информационного общества:

- функционирование электронного правительства;
- использование ИКТ бизнес-субъектами;
- использование ИКТ для преобразования социально-экономической сферы;
- использование ИКТ для преобразования культурной сферы;
- использование ИКТ для развития инновационных и высоких технологий.

Кроме того, предлагается заложить в модельном законе «О развитии информационного общества» следующие условия реализации информационного общества:

- устранение цифрового разрыва и неравенства в сфере ИКТ;
- обеспечение высокого уровня защиты прав интеллектуальной собственности;
- обеспечение надлежащего уровня информационной безопасности инфраструктуры и информации (данных), за-

щиты персональных данных пользователей;

— стимулирование научно-исследовательских работ в сфере ИКТ и инноваций;

— повышение инвестиционной привлекательности сектора ИКТ и привлечение инвестиций, в том числе посредством механизмов государственно-частного партнерства, налогового стимулирования;

— разработка или имплементация измеримых количественных и качественных параметров/индикаторов достижения целей, регулярный контроль и оценка эффективности деятельности по построению и развитию информационного общества;

— достаточное государственное финансирование проектов в отраслях, на которых строится информационное общество;

— международное сотрудничество и вовлеченность государства в мировые, региональные процессы построения и развития информационного общества.

Таким образом, необходимо отметить, что развитие электронного нотариата на территории постсоветского пространства

и формирование единого подхода для введения и развития систем электронного нотариата в странах СНГ, а также успех перехода к информационному обществу находится в прямой зависимости от консолидации усилий государств — участников СНГ, общества, бизнеса и научно-технического сектора этих стран.

Проекты концепций модельных законов «О развитии информационного общества» и «Об электронном нотариате на основе сервисов и служб доверенных третьих сторон» были одобрены Экспертным советом МПА СНГ — РСС. Экспертный совет рекомендовал разработать на основе одобренных концепций соответствующие модельные законы. В настоящее время модельные законы «О развитии информационного общества» и «Об электронном нотариате на основе сервисов и служб доверенных третьих сторон» включены в Перспективный план модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2016–2020 годы [6], и Постоянная комиссия Межпарламентской Ассамблеи СНГ по культуре, информации, туризму и спорту ведет их разработку.

Использованные источники

1. Решение о придании акционерному обществу «Национальный инфокоммуникационный холдинг “Зерде”» (Республика Казахстан) статуса базовой организации государств — участников Содружества Независимых Государств, осуществляющей методическое и организационно-техническое обеспечение работ в области информационно-коммуникационных технологий // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5034> (дата обращения: 08.09.2017).

2. Сергеев А. И. Межпарламентская Ассамблея СНГ как фактор укрепления интеграционного взаимодействия // Диалог: политика, право, экономика. Международный научно-аналитический журнал Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2017. № 1. С. 12–25.

3. Окинавская хартия Глобального информационного общества // Сайт Президента России.

URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 08.09.2017).

4. Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» и План действий к ней // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 08.09.2017).

5. Тунисская программа для информационного общества и Тунисское обязательство // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 08.09.2017).

6. Перспективный план модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2016–2020 годы // Сайт Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: http://iacis.ru/activities/long_term_plan/ (дата обращения: 08.09.2017).

Ч. М. Бердимуратов

Проблемы реализации государственных гарантий прав субъектов инвестиционной деятельности в Кыргызской Республике

Аннотация: Статья посвящена особенностям государственных гарантий инвестиционной деятельности в Кыргызской Республике. Особое внимание уделяется договорной практике поощрения инвестиционной деятельности, а также инструментам защиты прав инвесторов от национализации.

Ключевые слова: инвестиции, национализация, законодательство, гарантии.

Об авторе

Чынгызбек Муртазакулович Бердимуратов (Бишкек, Кыргызская Республика) — заместитель заведующего юридическим отделом Аппарата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, преподаватель (по совместительству) кафедры административного и финансового права Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина; berdimuratov1988@mail.ru

---

Ch. Berdimuratov

Problems of Realization of State Guarantees of Rights of Investment Activity in the Kyrgyz Republic

Summary: The article is devoted to the peculiarities of state guarantees of investment activity in the Kyrgyz Republic. Particular attention is paid to the contractual practice investment promotion, as well as instruments to protect the rights of investors from nationalization.

Keywords: investment, nationalization, legislation, guarantees.

About the Author

Chyngyzbek Berdimuratov (Bishkek, Kyrgyz Republic) — Deputy Head of the Legal Department of the Jogorku Kenesh (Parliament) Office of the Kyrgyz Republic, Lecturer (part-time) of the Department of Administrative and Financial Law of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin; berdimuratov1988@mail.ru

---

Для успешной реализации инвестиционных проектов необходимо, чтобы государство создавало благоприятные условия, такие как правовое регулирование всех сопровождающих видов разрешительных документов, безопасность ведения бизнеса, гарантии разрешения всех возникающих споров в рамках правового поля и т. п. Однако политические, социальные и экономические процессы в Кыргызской Республике, частая смена глав правительства и даже глав министерств заставляют сомневаться в том, что у зарубежных инвесторов будет желание вкладывать материальные и нематериальные средства в экономику Кыргызстана.

В Кыргызской Республике существует ряд нормативных правовых актов, поощряющих и защищающих как отече-

ственные, так и иностранные инвестиции в стране. Одним из основных является закон Кыргызской Республики «Об инвестициях в Кыргызской Республике», во второй главе которого указаны следующие законодательные гарантии и преференции для инвесторов [1]:

— иностранным инвесторам предоставляется национальный режим экономической деятельности;

— всем инвесторам предоставляется право свободного передвижения;

— инвесторам, осуществляющим свою деятельность в приоритетных отраслях экономики и социальной сфере, могут быть предоставлены льготы;

— гарантии вывоза или репатриации за пределы Кыргызской Республики инвестиций, имущества и информации;

— гарантии защиты от экспроприации инвестиций и возмещение убытков инвесторам;

— гарантии использования доходов, в том числе путем открытия счетов;

— все связанные с инвестициями денежные переводы в иностранной валюте в Кыргызскую Республику и из нее осуществляются свободно и беспрепятственно;

— свободный доступ к открытой информации: предоставление инвесторам открытой информации государственными органами и должностными лицами;

— право самостоятельного хозяйствования для инвесторов;

— возможность заключать концессионные договоры и др.

В связи с негативным влиянием на инвестиционный климат нестабильности в стране дополнительно к действующему закону Временным Правительством Кыргызской Республики 26 апреля 2010 г. был принят Декрет № 23 «О защите инвестиций». Тем самым Временное Правительство признавало важность иностранных инвестиций в экономику Кыргызской Республики и подтверждало готовность обеспечить верховенство закона для защиты иностранных инвесторов. Необходимо подчеркнуть тот факт, что в декрете были перечислены гарантии, заложенные в Законе КР «Об инвестициях в Кыргызской Республике».

В то же время правительством были приняты и непопулярные решения. Н. Б. Аленкина отмечает: «После апрельской революции 2010 г. Временным Правительством КР было принято 37 декретов о национализации 47 объектов собственности. Под национализацию попали недвижимость, транспорт, земельные участки, доли участия и акции компаний, а также другие объекты. Национализации подверглось имущество принадлежащее бывшему Президенту КР К. Бакиеву, членам его семьи и приближенным лицам, а также имущество, незаконно приватизированное за годы его правления» [1]. Принятые декреты по сей день не позволяют инвесторам

вернуть либо свои деньги, либо использовать имущество в который были инвестированы материальные средства.

А. Жорупбекова характеризует период после революции 2010 г. следующим образом: «В связи с той ситуацией волна национализации имущества, имевшей место в апреле — июне 2010 г., и распространением информации о возможных рейдерских захватах имущества, многие инвесторы были вынуждены пересмотреть риски национализации их имущества. В настоящее время иностранным инвесторам важно знать о преимуществах существующих двусторонних соглашений о защите инвестиций, которые подписаны в Кыргызской Республике» [2].

18 мая 2010 г. Министерство экономического регулирования Кыргызской Республики издало приказ № 113 об утверждении дорожной карты, содержащей конкретный план действий, направленных на восстановление и улучшение инвестиционного климата в Кыргызской Республике: создание правительством комиссии с участием бизнес-сообщества, обеспечение конституционного требования неприкосновенности собственности, предоставление налоговых льгот в некоторых секторах бизнеса, поддержание постоянного диалога между государственными органами и бизнес-сообществом. Кроме того, в законодательстве Кыргызской Республики был предусмотрен ряд правовых механизмов, позволяющих инвесторам укреплять защиту своих инвестиций в Кыргызской Республике.

Конституция Кыргызской Республики предоставляет государству полномочия национализировать частную собственность. Процесс национализации регулируется Гражданским кодексом Кыргызской Республики, согласно положениям которого для национализации собственности требуется принятие специального закона о конкретном имуществе, а собственнику национализированного имущества предусмотрена выплата компенсации. Например, в начале лета 2016 г. на официальном сайте парла-

мента КР был опубликован проект закона «О национализации имущества ЗАО «Кумтор Голд Компани»», инициаторами которого выступили депутаты О. Текебаев и А. Шыкмаматов [3]. В соответствии с этим проектом закона предполагалось, что ЗАО «Кумтор Голд Компани» (акционерное общество, являющееся инвестиционным в КР) должно перейти в собственность государства, т. е. от инвестора в государственную собственность. При этом, согласно Гражданскому кодексу Кыргызской Республики, переход должен производиться на основании закона, изданного специально для этого имущества, при обязательном условии возмещения стоимости данного имущества и других убытков. Таким образом, разработка законопроекта для национализации ЗАО «Кумтор Голд Компани» осуществлялась в рамках соблюдения законодательства, поскольку в статье 288 Гражданского кодекса КР прямо указано, что в случаях национализации конкретного имущества требуется принятие закона именно о данном имуществе. Была ли необходимость поднимать вопрос о национализации ЗАО, являющегося довольно крупным налогоплательщиком, в период, когда кризисные явления не позволяют найти другой серьезный источник поступлений налогов в бюджет, скорее всего, покажет время.

Важно отметить, что ни в Конституции КР, ни в Гражданском кодексе КР нет требования наличия общественных интересов в качестве основы для национализации, а также не установлены конкретные правила, как и когда должна быть выплачена компенсация владельцу национализированной собственности. Если инвестор не согласен с условиями компенсации, то в соответствии с законодательством Кыргызской Республики он имеет право оспорить решение о национализации и условия компенсации в судах Кыргызской Республики. Как многие могут представить, оспаривать решение руководства страны о национализации и условия компенсации,

закрепленные в законе, в судах КР будет очень трудно.

В одной из публикаций в СМИ на тот период (2011 г.) отмечалось: «По словам чиновников, пока в Кыргызстане не принято ни одного судебного решения в пользу прежних владельцев национализированных объектов. По состоянию на январь 2011 года... исковые заявления в суд об отмене декретов временного правительства о национализации подали всего 14–15 человек. По словам главы Фонда по управлению национализированным имуществом Дaira Кенекеева, “сами истцы попросили приостановить разбирательства по девяти объектам, по трем суд оставил иски бывших владельцев без рассмотрения”. До сих пор, по признанию инвесторов, правоохранительные органы так и не доказали их причастность к бизнесу прежнего президента (на тот период К. Бакиева). Однако, несмотря на это, суды почему-то отказываются заниматься этим делом. Дольщики понимают служителей Фемиды: те просто боятся. Слово “декрет” вводит судей в откровенный ступор, и они самоустраиваются от сомнительных дел — от греха подальше. Впрочем, это лишь версия рядовых граждан, которые испытали последствия апрельской революции, что называется, на своей шкуре» [4]. Подобный вариант национализации в целях стабилизации социально-политической ситуации на тот период времени, возможно, был оправдан. Другое дело, что такие прецеденты со временем отрицательно сказываются на имидже страны — ее инвестиционной привлекательности как для бизнеса, так и для законопослушных граждан, приобретающих имущество в частную собственность.

Вопрос о возникшем у законно купивших имущество граждан возмущении поднимала депутат А. Измалкова [5] в феврале 2015 г. В частности, она отмечала, что люди, купившие коттеджи в пансионатах «Аврора-Грин» и «Аврора плюс», возмущены тем, что национализация коттеджей по декретам Временно-

го Правительства была осуществлена «несправедливо и нецивилизованно». В марте 2015 г. председатель Фонда по управлению государственным имуществом (ФУГИ) Д. Ирсалиев отметил, что действительно необходимо поставить точку в решении данного вопроса, однако с этим возникают трудности в связи с тем, что судебные процессы затягиваются [6].

В октябре 2016 г. Правительством республики был подготовлен законопроект о разрешении спорных моментов по декретам Временного Правительства о национализации [7]. Работа над этим законопроектом оказалось сложной, поскольку ранее таких правовых случаев, когда инвестиции переходили в собственность государства без принятия специального закона о национализации, как указано в ГК КР, не было. Таким образом, правовые прецеденты по вынесению Декрета Временного Правительства КР (не специального закона — в соответствии с ГК КР), созданные несколько лет назад в угоду политически ангажированной ситуации, отрицательно сказываются на инвестиционной политике Кыргызской Республики в настоящее время.

Согласно статье 4 Закона Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» предусмотрены следующие виды нормативных правовых актов: Конституция, конституционный закон, кодекс, закон, указ Президента Кыргызской Республики, постановление Жогорку Кенеша, постановление Правительства Кыргызской Республики, постановление Национального банка Кыргызской Республики, постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики, постановления представительных органов местного самоуправления. Как видим, декреты в качестве нормативных правовых актов не упомянуты. Дискуссия о законности действующих и поныне декретов 2010 г. продолжается до сих пор.

Отметим, что дополнительная защита от национализации иностранных ин-

вестиций и право на незамедлительную компенсацию в размере справедливой рыночной стоимости в большинстве случаев предусмотрены в двусторонних соглашениях о поощрении и защите инвестиций между Правительством КР и другими странами. На сегодня Кыргызская Республика является участником двусторонних соглашений о поощрении и защите инвестиций более чем с 30 странами, в том числе с США, Германией, Швейцарией, Казахстаном, Россией, Китаем, Индией, Южной Кореей, Великобританией и др. Если граждане или компании стран, заключивших с Кыргызской Республикой соглашения о поощрении и защите инвестиций, инвестируют в Кыргызской Республике, им предоставляются дополнительные гарантии и привилегии, предусмотренные в соглашениях.

Например, в соответствии с Соглашением между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о поощрении и защите инвестиций (Лондон, 8 декабря 1994 г.) инвестиции британских компаний в Кыргызской Республике могут быть национализированы исключительно в общественных целях и на недискриминационной основе. «При этом инвесторам из Великобритании гарантируется быстрая и адекватная компенсация. Такая компенсация должна соответствовать истинной стоимости национализированных инвестиций и включать проценты по обычной коммерческой ставке вплоть до дня выплаты. Компенсация должна быть выплачена без задержки и свободной переводимой» [8].

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики необходимо наличие соглашения между инвестором и государством на случай обращения инвестора с иском против Кыргызской Республики в международный арбитражный суд. Такой иск может быть инициирован инвестором, если он полагает, что его права были нарушены Кыргызстаном. Право иностранного инвестора обращаться непосредственно в между-

народный арбитражный суд, а не в суды Кыргызской Республики, увеличивает его шансы на независимое и справедливое решение спора.

Большинство иностранных инвесторов обеспокоены нестабильностью законодательства Кыргызстана, которое часто изменяется и дополняется. Подобное состояние правового режима может привести к неожиданным решениям. Инвесторы также обеспокоены тем, что при нарушении их прав и интересов необходимо обращаться в суды Кыргызской Республики, а согласно исследованиям и опросам, судебная система Кыргызстана считается коррумпированной и политически зависимой, поэтому судьбу инвестиций определить сложно, практически невозможно.

Так, согласно посвященному юридическим аспектам ведения бизнеса в Кыргызстане информационно-справочному изданию, подготовленному юридической фирмой «Kalikova&Associates» и размещенному на официальном сайте Государственного агентства по продвижению инвестиций и экспорта при Министерстве экономики, Кыргызская Республика в рейтинге «The Best Countries for Business, 2014» журнала Forbes занимает 101 (из 146) место по легкости ведения бизнеса. Кыргызская Республика в этом рейтинге занимает следующие позиции: «свобода торговли» — 89, «защита инвесторов» — 35, «личная свобода» — 110, «инновации» и «технологии» — 131 и 110 места соответственно, по уровню коррупции — 123, по уровню бюрократии — 9, «налоговая среда» — 106, «свобода цен» — 95 место» [9]. Данные показатели свидетельствуют, что нашей стране необходимо работать над снижением уровня коррупции, устранением бюрократических барьеров для инвесторов, улучшать ситуацию с защитой инвесторов, создавать налоговые преференции для всех инвесторов и с учетом требований времени внедрять инновационные и передовые информационные технологии во многие отрасли экономики.

Как отмечается в упомянутом информационно-справочном издании, в законодательстве Кыргызской Республики предусмотрены некоторые положения, которые позволяют инвесторам свести к минимуму риски, обусловленные нестабильностью правового режима и коррупцией в судебной системе. При заключении различных договоров (инвестиционных соглашений, договоров займа, договоров купли-продажи долей участия, товаров, услуг и т. д.) с участием иностранных инвесторов стороны в договоре могут определить в качестве применимого не только право государства — стороны договора, но и законодательство другого государства. Так, может быть выбрано английское право, так как иностранный инвестор хорошо знаком с ним и считает, что оно является более благоприятным и предсказуемым. Однако в ряде случаев законодательство Кыргызской Республики обязывает стороны применять кыргызское законодательство, например, если договор касается земельного участка или любого другого недвижимого имущества, находящегося в Кыргызской Республике.

В законодательстве Кыргызстана также закреплено право иностранных инвесторов обращаться за защитой в суды иностранных государств или арбитраж, что обеспечивает им возможность выбора правового органа для разрешения спора. Как отмечено выше, даже при отсутствии конкретного соглашения о проведении арбитражного разбирательства в случае нарушения прав иностранного инвестора из страны, с которой Кыргызская Республика заключила соглашение о защите инвестиций, на основании такого соглашения инвестор имеет право обратиться в международный арбитраж.

Необходимо отметить, что Кыргызская Республика является участником Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (1958 г.) и приняла на себя обязательство признавать решения иностранных арбитражей и обеспечивать их исполнение.

Использованные источники

1. Аленкина Н. Б. Спорные вопросы применения норм гражданского права о национализации // KYRLIBNET. Электронные ресурсы: Вестник КРСУ. 2013. Том 13. № 1. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUALENKINAN.B.2013-1.pdf> (дата обращения: 30.04.2017).
2. Жорупбекова А. Защита инвестиций в Кыргызской Республике: правовые механизмы усиления защиты инвестиций // Сайт юридической фирмы Kalikova&Associates. URL: <http://www.k-a.kg/ru/zashchita-investitsii-v-kyrgyzskoi-respublike-pravovye-mekhanizmy-usileniya-zashchity-investitsii> (дата обращения: 15.04.2017).
3. Законопроект о национализации «Кумтора» вынесли на общественное обсуждение // StanRadar.com. URL: <http://stanradar.com/news/full/21325-zakonoproekt-o-natsionalizatsii-kumtoravynesli-na-obschestvennoe-obsuzhdenie.html?page=21> (дата обращения: 08.04.2017).
4. Мазыкина Ю. Национализация. Кыргызстан как собака на сене? // ИА «24.kg». URL: <https://24.kg/archive/ru/economics/97019-nacionalizaciya-kyrgyzstan-kak-sobaka-na-sene.html> (дата обращения: 02.05.2017).
5. Кудрявцева Т. Алла Измалкова: Мне непонятно, почему из-за декретов временного правительства о национализации объектов страдают люди // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/parlament/7234_alla_izmalkova_mne_neponyatno_pochemu_iz-za-dekretov_vremennogo_pravitelstva_o_natsionalizatsii_obyektov_stradayut_lyudi_ (дата обращения: 09.05.2017).
6. Кудрявцева Т. Дуйшенбек Ирсалиев: Распродажа государственной собственности себя не оправдала // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/ekonomika/8120-duyshenbek_irsaliev_rasprodaja_gosudarstvennoy_sobstvennosti_sebya_ne_opravdala/ (дата обращения: 06.05.2017).
7. Осмонова Н. Разработан законопроект о разрешении спорных моментов по декретам ВП о национализации // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/vlast/37713_razrabotan_zakonoproekt_o_razreshenii_spornyih_momentov_po_dekretam_vp_o_natsionalizatsii/ (дата обращения: 15.05.2017).
8. Постановление Правительства Кыргызской Республики «О заключении Правительства Кыргызской Республики на проект Закона Кыргызской Республики “О национализации”» от 20 октября 2014 года № 604 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/97075> (дата обращения: 04.03.2017).
9. Бизнес в Кыргызской Республике. Юридические аспекты. Информационно-справочное издание. 2016. С. 13. URL: <http://test.invest.gov.kg/upload/file/DoingBusinessinKRLegalAspectsRus2016.pdf> (дата обращения: 23.04.2017).

В. Н. Чайка

Актуальность правовой идеологии как составляющей части правового сознания в контексте безопасности общества и государства

Аннотация: В статье рассматриваются составляющие части правового сознания, выделяется его бессознательная область, раскрываются понятие правовой психологии и необходимость существования правовой идеологии как составляющей основы безопасности общества и государства.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая психология, правовая идеология, бессознательное, общество, государство, безопасность.

Об авторе

Виктория Николаевна Чайка (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доцент кафедры экономики и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат юридических наук; chaika_v@mail.ru

---

V. Chaika

The Relevance of Legal Ideology as a Component of Legal Consciousness in the Context of the Security of Society and the State

Summary: The article discusses the components of the legal consciousness, its unconscious area is highlighted, reveals the concept of legal psychology, the necessity of legal ideology as a component of the security framework of society and the state.

Keywords: legal consciousness, legal psychology and legal ideology, the unconscious, society, state, security.

About the Author

Viktoriya Chaika (Saint Petersburg, Russian Federation) — Associate Professor of Economics and Law of the Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Candidate of Legal Sciences; chaika_v@mail.ru

---

В настоящее время вызовом времени для государства является новая система координат международной политики. Предпринимаются попытки вторжения в массовую правовую психологию посредством СМИ, изменения (разрушения) правовой идеологии. В условиях нарушенного механизма социального контроля должны быть выработаны общие представления об общем благе, ценностных установках, которые усваиваются в процессе социализации, первичным этапом которого является семья, вторичным — школа, следующим (профессиональным) — вуз.

Среди множества подходов к пониманию, сложившихся в современной юридической науке, наиболее перспективным представляется тот, в рамках

которого исследуются культурологические аспекты формирования правового сознания, его составляющих частей — правовой идеологии, правовой психологии и бессознательного элемента, охватывающего правовые установки, стереотипы мышления, действие традиций. Проблемы исследования механизма развития правовой культуры, существования права, формирования правового сознания становятся одними из наиболее актуальных для всего комплекса социально-гуманитарных наук, а также имеют существенное значение для общественной практики, социально-правовой жизни государства и для каждого гражданина.

Юридическая наука при исследовании различных сторон общественного

бытия призвана рассматривать не только внешние, формально-юридические характеристики статусного положения различных субъектов права, но и проникать в глубинные, социально-волевые начала формирования и реализации поведенческих актов индивидуальных и коллективных субъектов общественных отношений. Этому способствует, в частности, и исследование сферы бессознательного, его роли в правовой действительности как сложном социальном явлении, состоящем из различных социально-психологических элементов. В настоящее время вызовом времени для государства является новая система координат международной политики. В условиях нарушенного механизма социального контроля, как уже упоминалось выше, должны быть выработаны общие представления об общем благе, ценностных установках, усваиваемых на всех этапах социализации: семья, школа, вуз.

Определение сознания — научная проблема, а также важная прикладная и практическая задача в таких социальных сферах жизни, как правовые отношения (восприятие субъектом права юридических норм, правил поведения), правовая регламентация (вменяемость, степень осознания) и других, связанных с проявлением действия права. Дефиниции сознания, предоставляемые психологией, весьма разнообразны, наиболее корректной представляется следующее определение сознания, сформулированное в конце XX в. А. В. Петровским: «...целостный образ действительности... реализующий мотивы и отношения субъектов и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект» [1]. Логическим ядром определения категории сознания представляется такая базисная категория, как «образ», роль оформляющих категорий выполняют «действие», «мотив», «взаимоотношения», «переживание», «субъект».

Необходимо отметить некоторую прозрачность философских определений

сознания в отечественной юридической психологии. Как отмечает Е. С. Авербух, с позиций диалектического материализма важно подчеркнуть первичность материального и вторичность идеального, выделяя зависимость формирования индивидуального сознания от общественного бытия. Анализируя различные определения сознания, Е. С. Авербух приходит к выводу, что эти определения не позволяют понять сущность изучаемого явления [2]. При попытке определения сознания как рационального явления широко распространенным является сведение его к определенным отдельным психическим явлениям (процессам, состояниям, свойствам). При подобном подходе к сознанию говорят о том, что это «способность отдавать отчет в своих мыслях, чувствах и актах», «способность правильно расценивать окружающее, способность к целенаправленной, планомерной деятельности», «особенности сочетания психических процессов», «arena, на которой разыгрываются ассоциативные процессы», «поток впечатлений или чувствований, сменяющихся душевных состояний» [3]. А. Р. Лурия, выделяя особенное в сознании, считает, что «...в отличие от животных, человек обладает новыми формами отражения действительности — не наглядным чувственным, а отвлеченным опытом. Такая особенность и характеризует сознание человека... Эта черта — способность человека переходить за пределы наглядного, непосредственного опыта и есть фундаментальная особенность его сознания» [4]. При этом автор указывает на переход от чувственного к рациональному как на основную черту сознательной деятельности человека, из чего следует, что сущностная характеристика сознания определяется **мышлением**.

Другой подход к сущностной характеристике сознания предполагает другой психический процесс — **рефлексия**, или **самосознание**. Так, В. М. Розин определяет человеческое сознание через сознание в языке, сознание культурное и сознание как самосознание [5].

Что касается бессознательного элемента, то на существование бессознательной области в психике в той или иной степени раскрытия данной составляющей указывают многие ученые.

Так, при определении сознания как особенного свойства психики и на наличие бессознательного в последней косвенно указывает А. С. Горбатенко, определяя сознание как «особенность психики, позволяющая ей быть направленной на саму себя, отделив контролируемые аспекты от **неконтролируемых**, и на свое тело, выделяя его из окружающего мира» [6].

Р. С. Немов основой сознания считает «рефлексивную способность, то есть познание сознанием психических явлений, допуская тем самым существование непознаваемой, бессознательной области психики, основу которой составляют те психические явления, которые являются непознанными для сознания и относятся к области бессознательного» [7]. П. В. Симонов говорит об отдельных образах, составляющих знания, из которых складывается сознание, т. е. сознание как знание, которое с помощью материальных символов и обобщенных образов может быть передано другим, при этом контакт, коммуникация составляет существенную характеристику сознания. П. В. Симонов указывает, что содержания коммуникативных актов могут наполнять образы, при этом они не всегда могут быть полностью вербализованы, но принадлежат сфере сознания [8].

Полагаем, что в данном случае, когда речь идет об образах, которые «не всегда могут быть полностью вербализованы», подразумевается коммуникация посредством **чувств**, в том числе правовых. Правовое чувство является одним из важнейших элементов правовой психологии. С одной стороны, к праву предъявляются требования рациональности: правовые нормы должны быть понятными, процессуальный порядок — четким. С другой стороны, известно, что человек ведет себя, подчиняясь не только разуму, но и «своей природе». Мышление, сужде-

ние и поведение управляются и иррациональным началом природы человека. Представляют интерес для дальнейшего исследования такие иррациональные явления, как ощущение несправедливости, чувство обязанности, чувство солидарности, чувство ответственности и некоторые другие.

Правовое чувство является одним из важнейших элементов правовой психологии. Так, немецкий мыслитель Р. Иеринг предлагает отказаться от понятия правосознания, заменив его понятием правового чувства: «Правосознание, правовое убеждение суть абстракции науки, которые народу неизвестны: сила права... как и сила любви, основывается на чувстве» [9]. Многозначность правового чувства раскрывает швейцарский ученый Х. Мейер, на существование правовой совести как модификации правового чувства указывает наш современник А. В. Поляков [10].

Совесть на протяжении многих сотен лет изучается усилиями философов, а в последние десятки лет — психологов и юристов. Несмотря на столь длительный интерес к изучению совести, в науке нет единого мнения относительно природы данного феномена, его специфики, структуры, функций. Совесть является сложным, многоуровневым, пластичным образованием, способным к практически перманентному процессу трансформации под влиянием всевозможных факторов, среди которых присутствуют как внешне обусловленные, так и внутренне детерминированные. Р. С. Байниязов дает следующее определение правовой совести: «...Правовая “совесть” ...интуитивное понимание, стремление к справедливому жизненному, нравственному праву. Чувство совести в праве есть постоянная устремленность субъекта на приближение объективного права, его имманентного соответствия требованиям трансцендентального [лат. Transcendere — переступить; среди трансценденций различают следующие: вещь, сущее, истина, добро, нечто, единое], идеального права. Данное чувство всегда на-

целено на воспроизводство гармонично целостных юридических ценностей «совестливого» права» [11]. При этом Р. С. Байниязов уточняет, что так называемое производство «совестливых» юридических феноменов происходит и в правотворческой сфере, и в сфере реализации права.

Что касается правовой идеологии, то идеология как таковая на протяженности всей истории являлась неотъемлемым фактором организации общественной жизни. Особо значимым идеологический фактор становится в условиях развития информационного пространства. Общеизвестно, что средства массовой информации являются мощнейшим механизмом воздействия на коллективное бессознательное, инструментом формирования правовых установок граждан. Национально-государственная идеология является неотъемлемой частью государства. Особенно остро ее необходимость проявляется в кризисные для государства периоды.

Идеологию возможно рассматривать как совокупность идей, формирующих определенный тип мировоззрения, систему ценностей, идеалов, норм поведения, привносимых в общественное сознание посредством деятельности различного рода социальных институтов. При этом идеология, а тем более идеология правовая — это не любая совокупность идей, а качественно влияющая на жизнь общества система взглядов, по-

средством которой не только интерпретируется действительность, но и вырабатываются на основе аксиологического ряда основные ориентиры (векторы) государственно-правового развития.

В настоящее время мирное сосуществование государств в рамках современного международного права встречает все больше трудностей. В битве идеологий, в борьбе за умы духовно-нравственную составляющую той или иной общности историю не только пишут, но и переписывают. На постсоветском пространстве ощущается острая необходимость духовного, культурного, национального самоопределения как элементов идеологической составляющей основы безопасности общества и государства. Информационное воздействие на коллективное бессознательное народа, стремление перекодировать общество во многих странах, в том числе в России, являются попытками переписать историю. Важными функциями идеологии являются ориентационная, мобилизационная, интегративно-консолидирующая, регулятивная, воспитательная. Восстановление единого образовательного пространства, в частности уход от множественности полярных идеологических воззрений на те или иные исторические факты, будет способствовать эффективному осуществлению функций правовой идеологии и, как следствие, укреплению мира и безопасности в обществе.

Использованные источники:

1. Петровский А. В. Психология в России: XX век. М., 2000. С. 281.
2. Авербух Е. С. О трактовке понятия «сознание» в психиатрии // Проблемы сознания : материалы симпозиума. М., 1966. С. 454–463.
3. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 13.
5. Розин В. М. Природа сознания и проблема его изучения // Мир психологии. 1999. № 1 (17). С. 104–111.
6. Горбатенко А. С. Системная концепция психики и общей психологии. Ростов н/Д., 1994. С. 49.
7. Немов Р. С. Психология. М., 1997. Кн. 1. С. 133.
8. Симонов П. В. Мотивированный мозг. М., 1987.
9. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1907. С. 51.
10. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.
11. Байниязов Р. С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3. С. 18.

М. Г. Шилина

Международные механизмы межгосударственного взаимодействия на евразийском пространстве: анализ реалий и возможностей для развития экономической интеграции

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ региональных механизмов межгосударственного взаимодействия и дана их оценка. Обоснована значимость Шанхайской организации сотрудничества для эффективного развития данных механизмов и построения большого евразийского партнерства.

Ключевые слова: экономическое взаимодействие государств, экономическая интеграция, Евразия, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, Экономический пояс Шелкового пути.

Об авторе

Мария Геннадьевна Шилина (Москва, Российская Федерация) — аспирант кафедры международного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; mgshilina@hse.ru

---

M. Shilina

International Mechanisms of Interstate Cooperation in the Eurasian Space: Analysis of Realities and Opportunities for the Development of Economic Integration

Summary: The paper presents a comprehensive analysis of regional mechanisms of interstate cooperation and provides an assessment of them. It justifies the significance of the Shanghai Cooperation Organization for the effective development of these mechanisms and the construction of the Great Eurasian Partnership.

Keywords: economic interaction between states, economic integration, Eurasia, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organization, Silk Road Economic Belt.

About the Author

Maria Shilina (Moscow, Russian Federation) — Doctoral student of the Chair of International Public and Private Law of the Department of Law of the National Research University Higher School of Economics; mgshilina@hse.ru

---

На фоне продолжающихся процессов глобализации и регионализации государства Евразии активизируют свое участие в региональных механизмах межгосударственного взаимодействия экономического характера, способствующих стимулированию экспорта, устранению барьеров и ограничений. При этом не все существующие механизмы межгосударственного взаимодействия, на базе которых возможно развитие интеграции (особенно экономической), являются в настоящее время с институциональной точки зрения подходящими для гармо-

ничного ее построения, у каждого из них есть определенные преимущества и недостатки. Выявление оптимального механизма представляется сегодня актуальным.

Теоретико-концептуальная основа интеграции на евразийском пространстве в настоящее время активно формируется. Обусловленные тенденциями поворота Китая на Запад, России на Восток, сопряжением Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) идеи сообщества Большой Евразии, большого

евразийского партнерства, формирования единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока [1], «интеграции интеграций» видятся значимыми. Данные идеи способствуют тому, что государства, организации, включая многосторонние форматы сотрудничества, действуют в едином направлении — совместного экономического, политического и культурного развития (при ведущей роли России и Китая, руководители которых официально поддерживают концепцию), преобразования Евразии в центр мировой экономики и политики. При этом положения концепции требуют практического развития и конкретизации в многостороннем формате, сообщество должно строиться с помощью конкретных механизмов межгосударственного взаимодействия и формироваться на основе принципов международного права [2].

Для России сегодня главным механизмом выстраивания международного экономического взаимодействия на континенте является Евразийский экономический союз — динамично развивающийся интеграционный проект. Считаем возможным рассматривать варианты построения евразийской экономической интеграции именно сквозь призму функционирования ЕАЭС как непосредственного участника процесса, одного из значимых его центров. В рамках интеграционного объединения сформирована определенная стратегия, прорабатываются конкретные форматы международного сотрудничества. Так, ежегодно утверждаются Основные направления международной деятельности Евразийского экономического союза [3], в которых закрепляются текущие и перспективные формы взаимодействия.

В настоящее время Евразийский экономический союз имеет три основных институциональных формата [4] для выстраивания взаимоотношений с внешними партнерами. Основным и традиционным форматом являются *соглашения о зоне свободной торговли* (ЗСТ). Союз выстраивает систему соглашений о ЗСТ

с теми странами, с которыми углубление экономического взаимодействия влечет за собой в основном выгоды, а не риски. Так, уже вступило в силу соглашение между ЕАЭС и Вьетнамом, к заключению соглашений о ЗСТ с Евразийским экономическим союзом проявили интерес около 50 стран [5] (в различных стадиях находятся переговоры о создании ЗСТ с Сингапуром, Израилем, Египтом, Индией, Ираном и др.). При этом текущая геоэкономическая обстановка диктует необходимость заключать не просто классические соглашения о зоне свободной торговли (о снятии тарифных ограничений), а соглашения, включающие положения о торговле услугами, об инвестиционном сотрудничестве, о государственных закупках, защите интеллектуальной собственности. Однако члены ЕАЭС все еще имеют разные точки зрения на то, в каких форматах и с какой скоростью союз должен выстраивать международные связи, что затрудняет переговоры о заключении указанных прогрессивных соглашений о ЗСТ. Отметим также, что государства — члены союза в разной степени готовы принимать на себя отдельные согласованные обязательства.

Вторым активизировавшимся форматом видятся *непреференциальные торговые соглашения*, которые не содержат положений об отмене пошлин и, как правило, предполагают снятие нетарифных ограничений, таможенное регулирование, инфраструктурные проекты.

Третий формат — *меморандумы о сотрудничестве* с третьими странами и международными организациями, в основном предполагающие взаимный обмен информацией (о таможенно-тарифном регулировании, нетарифных ограничениях и т. д.).

В текущей геоэкономической обстановке важно, чтобы развитие взаимодействия в данных форматах влекло за собой не только политические, но и в большей степени экономические выгоды, устойчивый экономический рост и практическую интеграцию ЕАЭС в международную торговую систему.

Существование различных форматов и уровней экономического взаимодействия порождает организационные трудности. На наш взгляд, категорию форматов взаимодействия можно объединить общим термином «экономическое партнерство». В настоящее время именно партнерства представляются новой и перспективной формой межгосударственной экономической интеграции [6] (так, например, интенсивно идет деятельность по практическому осуществлению функционирования новых трансрегиональных соглашений, которые тоже имеют название партнерств — Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП)).

Основным потенциальным партнером Евразийского экономического союза видится Китай, выступивший в 2013 г. с концепцией «Один пояс — один путь», частью которой является проект Экономического пояса Шелкового пути. На наш взгляд, сопряжение **ЕАЭС — ЭПШП** представляет собой один из наиболее перспективных и гибких вариантов экономического партнерства, так как проект ЭПШП позволяет выбрать удобные для каждого партнера формы участия. Привлечение государств ЕАЭС к данному сопряжению особо актуально, так как члены союза находятся на имеющих перспективу развития транспортных путях, а защита национальных интересов в коллективном формате предполагает наибольшую эффективность. В дополнение к этому отметим, что для России китайские инвестиции в крупные инфраструктурные и энергетические проекты представляют существенный интерес.

В свете указанных предпосылок в последние годы произошло стремительное формирование необходимых институциональных форматов для функционирования совместных рабочих групп (как в рамках российско-китайского диалога, так и на уровне ЕАЭС — Китай). Одним из главных направлений их деятельности является разработка Соглашения

о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР [7] (это непререференциальное соглашение, без положений о снятии тарифных ограничений, однако предполагается, что оно упорядочит всю структуру отношений и создаст базу для дальнейшего движения к соглашению о ЗСТ). Также в 2017 г. опубликован список приоритетных проектов, которые будут реализованы странами ЕАЭС в рамках формирования ЭПШП (в основном строительство и модернизация дорог, развитие транспортных узлов [8]).

Выделяют два возможных типа сопряжения ЭПШП и ЕАЭС: инфраструктурное (проектное) и институциональное (гармонизация регулятивных практик — устранение барьеров в торговле, защита инвестиций, выработка общих норм в сферах защиты интеллектуальной собственности, трудовых отношений, охраны окружающей среды) [6]. При этом в ближайшей перспективе первый тип сопряжения будет развиваться быстрее. На наш взгляд, практическая реализация данных типов в сочетании приведет к формированию первого уровня партнерства в Евразии — «экономического партнерства ЕАЭС — ЭПШП».

Помимо инициативы ЭПШП, Китай в декабре 2015 г. на расширенном заседании Совета глав правительств ШОС выдвинул предложение создать региональную зону свободной торговли между странами — участницами данной организации (с тем чтобы к 2020 г. перейти к свободному перемещению товаров, капиталов, услуг и технологий). Зона свободной торговли в рамках ШОС отвечает интересам Китая в его противостоянии США на азиатском пространстве, согласуется с РВЭП и ЭПШП. Однако, как согласовано внутри ЕАЭС, в условиях дефицита в торговом балансе с Китаем создание зоны свободной торговли как в рамках ШОС, так и между КНР и ЕАЭС сегодня представляло бы серьезный вызов для многих национальных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Тем не менее ЗСТ в ШОС соответствует намерениям России по созданию

межгосударственных экономических партнерств, а создание экономического партнерства **ЕАЭС — ШОС** отвечает задачам внешнеэкономической политики. У стран ШОС существуют значимые предпосылки (высока степень защиты внутреннего рынка) для подобного формата взаимодействия, и работа в данном направлении (начинать необходимо с двусторонних соглашений), может способствовать решению важных задач развития российской экономики. Согласно пункту 79 Концепции внешней политики Российской Федерации, Россия «выступает за наращивание политического и экономического потенциала ШОС» [9]. Существенно и то, что в процессе создания ЗСТ в ШОС могут быть апробированы некоторые формы взаимодействия, которые впоследствии возможно использовать при сопряжении ЕАЭС и ШОС с ЭПШП, а также во взаимоотношениях с АСЕАН и другими экономическими мегапроектами.

Экономическое партнерство в Евразии надо строить продуманно и постепенно, на каждом этапе оценивая все преимущества и риски, соотнося их с нормами международного права и практиками сотрудничества в рамках других форматов экономического взаимодействия государств. В процессе построения важно не создавать разделительных линий, не идти путем формального выделения интеграционного ядра и определения места остальных участников процесса в зависимости от их географической и институциональной близости к нему. Согласимся с мнением экспертов, что «важнейшей задачей концептуализации евразийского будущего является определение того, как сотрудничество совместимо с открытостью и универсаль-

ностью» [10]. На наш взгляд, указанная задача, несмотря на то что сегодня уже имеются ключевые акторы — Россия и Китай, осуществима. Так, первым шагом на пути к большому евразийскому партнерству видится многостороннее экономическое партнерство ЕАЭС — ЭПШП, оптимальный второй уровень — партнерство в формате ЕАЭС — ШОС, третьим же, возможно, станет **ЕАЭС — ШОС — АСЕАН**. По нашему мнению, ШОС (при ее трансформации из региональной в многопрофильную организацию и активных совместных усилиях ее членов) является оптимальной площадкой для создания сообщества Большой Евразии и может играть в этом процессе ключевую роль. Использование данной организации с уже существующей институциональной основой (при условии ее развития) видится более удобным, чем создание новой структуры.

В ближайшей перспективе государствам ЕАЭС, помимо движения к Большой Евразии, важно также сформировать новую концептуальную основу взаимодействия с иным партнером — Европой. Построение интеграции в данном направлении актуально начать с экспертного форума евразийского развития [2]. В данном направлении эффективными видятся диалоговые форматы ЕАЭС — ЕС, ШОС — ЕС.

Таким образом, сегодня в Евразии активно формируется концептуальная рамка, которая позволит развивать институциональную основу для создания нового, преодолевающего старые противоречия, формата экономического взаимодействия, способного вывести государства континента на новейший уровень экономического и политического развития.

Использованные источники

1. Шухно С. В основе Большого Евразийского партнерства — сотрудничество ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, ШОС и ключевых национальных экономик континента // Евразийская экономическая комиссия.

URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-06-2017.aspx>.

2. Караганов С. В. От поворота на Восток к Большой Евразии. URL: <http://www.globalaffairs.ru/>

pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739.

3. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 18 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2017 год». URL: <https://goo.gl/V2YkEA>.

4. Девятков А. ЕАЭС между Европой и Китаем. URL: <http://expert.ru/2017/06/27/perspektivy-iae/>.

5. Лавров С. Порядка 50 стран хотят сотрудничать с ЕАЭС. URL: <https://souzveche.ru/articles/politics/35309/>.

6. Хейфец Б. А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М. : Ин-т экономики РАН, 2016.

7. ЕАЭС и КНР готовы перейти к переговорам по Соглашению о торгово-экономическом

сотрудничестве // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016-1.aspx>.

8. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx>.

9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

10. Бордачев Т. Евразия: обреченная на разделение? // URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziya-obrechennaya-na-razdelyennost/>.

С. С. Сафина, Ю. Е. Иванова

Региональные различия демографических процессов в КНР

Аннотация: В статье на базе официальной статистики анализируются региональные различия демографических процессов в Китае с учетом концепции демографического перехода. Рассмотрено распределение стадий демографического перехода по провинциям, выявлены противоречия.

Ключевые слова: демографический переход, демографическая политика, коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста населения, Китай.

Сведения об авторах

Сажиди Сарваровна Сафина — доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат географических наук

Юлия Евгеньевна Иванова — студентка 4 курса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, направление подготовки «Зарубежное регионоведение»

S. Safina, Y. Ivanova

Regional Differences in Demographic Processes in China

Abstract: Based on the official statistics, this article analyzes regional differences in demographic processes in China, consistent with the concept of the demographic transition. It considers the distribution of the stages of the demographic transition among the provinces and reveals the contradictions of the process.

Key words: demographic transition, demographic policy, birth rate, mortality index, natural increase rate, China.

About the Authors

Sazhida SAFINA — Assistant Professor of the Department of Regional Economics and Nature Management, Saint-Petersburg State University of Economics, Candidate of Science (Geography);

Yulia IVANOVA — fourth-year student, Saint-Petersburg State University of Economics, Foreign Studies

---

Существует несколько подходов к изучению демографических проблем. К ним относится, в частности, теория демографического перехода, выступившая методологической основой нашего исследования.

Демографический переход — исторически быстрое снижение рождаемости и смертности, в результате которого воспроизводство населения сводится к простому замещению поколений. Этот процесс является частью перехода от традиционного общества, отличающегося высокой рождаемостью и высокой смертностью, к индустриальному.

Ранний период развития теории демографического перехода связывают прежде всего с двумя именами: Адольфа Ландри и Уоррена Томпсона [1].

В 1909 г. в одной из своих статей А. Ландри обратил внимание на появление «нового демографического режима», требующего новой теории населения. Ею стала теория демографического перехода, которая впоследствии получила заметное развитие в книге А. Ландри «Демографическая революция», вышедшей в 1934 г.

У. Томпсон, так же как и А. Ландри, предположил, что по мере индустриализации все страны будут дрейфовать в направлении группы государств с низкими уровнями смертности и рождаемости. Основы его теории были заложены в статье 1929 г., в которой он выделил три группы стран с различным соотношением показателей рождаемости и смертности, а также естественного прироста населения.

По мнению А. Вишневого и М. Тольца, среди отечественных ученых, внесших вклад в развитие теории демографического перехода, особое место занимает А. Кулишер, который не только изложил смысл явления, именуемого в настоящее время демографическим переходом, но и указал на будущее глобальное значение этой теории, чего не сделал никто из его современников.

В докладе, представленном на VII Международном конгрессе исторических наук, который состоялся в Варшаве в 1933 г., А. Кулишер дал предельно четкое описание этапов демографического перехода: «На первом этапе население растет все быстрее и быстрее, благодаря длительному снижению смертности. Рождаемость также начинает снижаться, но с некоторым отставанием, и ее снижение идет вначале более медленно, так что избыток рождений все время увеличивается, и страна переживает настоящее “переполнение,.. Со временем рост все заметнее тормозится в результате снижения рождаемости, которое нагоняет снижение смертности, хотя смертность также продолжает снижаться. Относительный прирост сокращается, хотя абсолютные числа продолжают расти. В конце концов, ошеломляющее снижение рождаемости ведет к исчезновению избытка рождений и даже предвещает сокращение населения» [2].

Интересна также рецензия А. Кулишера на «Демографическую революцию» А. Ландри, которая содержит критические замечания, свидетельствующие о наличии у рецензента выношенной позиции. А. Кулишер рассматривает демографическую революцию как самозавершающийся процесс, в результате которого восстанавливается нарушенное «революцией» равновесие рождаемости и смертности, «стационарное состояние».

Хотя А. Ландри был обеспокоен падением рождаемости, ведущим, как ему представлялось, к депопуляции, он, замечает А. Кулишер, «без оглядок» описывает прежний, «примитивный» режим, при котором «соответствие численности

населения его экономическим ресурсам обеспечивается смертностью — в том числе в результате всеобщего голода и эпидемий». Дальнейшие рассуждения автора рецензии в каком-то смысле предвосхищают дошедшие до наших дней споры специалистов о способности демографической революции (демографического перехода) привести к устойчивому воспроизводству населения и избежать депопуляции в условиях неограниченной свободы выбора [2].

Важно и то, что А. Кулишер описывает не только общую схему демографических перемен, но и сопряженные с ними проблемы: невозможность повсюду быстро снизить рождаемость и в то же время справиться с избытком населения в бедных странах с помощью механизма миграции.

Термин «демографический переход» был введен в научное обращение американским демографом Ф. Ноутстейном в 1945 г. Сама концепция демографического перехода приобрела популярность позднее, в связи с демографическими изменениями, произошедшими после Второй мировой войны в освободившихся от колониальной зависимости странах. В результате значительного снижения смертности (в первое время главным образом из-за успешных противэпидемических мероприятий) и сохранения высокого уровня рождаемости в этих странах резко ускорился рост численности населения. Этот процесс получил название «демографический взрыв». Аналогичные изменения (в основном в XIX в.) произошли и в странах, которые сегодня причисляются к группе экономически развитых государств, но в них резкое ускорение прироста населения сопровождалось снижением уровня рождаемости и в конечном счете стабилизацией численности населения. Достаточно быстрое снижение рождаемости наблюдается в настоящее время и в странах третьего мира, многие из которых (например, Иран) уже близки к завершению демографического перехода.

На современном этапе в отечественной науке развитие теории демографического перехода как общей теории воспроизводства населения базируется на исследованиях А. Г. Вишневого и М. А. Клупта.

В своих работах А. Г. Вишневский вводит понятие «демографическая система» для обозначения системы, которая включает в себя людей и объединяющие их демографические отношения. При этом автор исключает из указанной системы социально-экономические отношения. В свою очередь М. А. Клупт настаивает на необходимости комплексного анализа социально-экономических отношений, институтов, политики в стране или группе стран. Игнорирование цивилизационных различий и региональных особенностей, по его мнению, препятствует формированию реалистической картины демографического прошлого, настоящего и будущего [3].

Таким образом, актуальным становится междисциплинарный подход к стратегии формирования теории демографического перехода на основе изучения глобальных тенденций, отражающих взаимодействие стран с учетом их экономико-демографической и социальной специфики. Исследование демографического перехода через призму социально-экономических отношений, условий, общественных норм, мотивов поведения приводит ученых к осознанию необходимости исследования конкретных стран, находящихся на определенной стадии социально-экономического развития.

Одним из лидеров современного экономического развития является Китайская Народная Республика. Государство демонстрирует впечатляющий экономический рост, оказывает влияние на мировые рынки сырья и готовых изделий, а также высоких технологий. Кроме того, КНР — самая многонаселенная страна мира. Демографические проблемы сказываются на всех сторонах жизни китайского общества. Решение об ограничении демографического роста под лозунгом «Одна семья — один ребенок» сыграло

важную роль во время проведения реформ, позволив увеличить долю трудоспособного населения. Однако с 1 января 2016 г. данное ограничение было отменено. В настоящее время всем семьям разрешено иметь двух детей [4]. Изменение главного девиза демографической политики произошло под влиянием демографических проблем. При этом демографические показатели в регионах КНР существенно различаются, поэтому целью нашего исследования стало выявление региональных особенностей демографических процессов на территории современного Китая с учетом концепции демографического перехода.

Были определены следующие задачи исследования: проанализировать уровень урбанизации и основные демографические коэффициенты в провинциях КНР; составить картограммы на основе уровней выраженности демографических коэффициентов; сгруппировать провинции на основе демографических показателей по стадиям демографического перехода и составить соответствующую картограмму.

В процессе исследования использовались индексный и картографический метод, а также метод таксонирования.

Задачи исследования обусловили логику выделения этапов:

1-й этап — расчет основных демографических коэффициентов (рождаемости, смертности, естественного прироста) и уровня урбанизации по провинциям КНР. Результаты представлены в табл. 1, составленной авторами на основе данных [5, 6];

2-й этап — классификация провинций по уровню выраженности основных демографических коэффициентов и урбанизации. Результаты представлены на рис. 1–4, подготовленных авторами на основе данных [6];

3-й этап — соотнесение уровней выраженности основных демографических коэффициентов и стадий демографического перехода. Результаты представлены в табл. 2 и на рис. 5, подготовленных авторами на основе данных [6].

Таблица 1. Основные демографические коэффициенты по провинциям КНР (2014 г.)

Провинции	Всего населения (тыс. чел.)	Городское население		Сельское население		Коэффициент рождаемости (%)	Коэффициент смертности (%)	Коэффициент естественного прироста (%)
		Численность	Проценты	Численность	Проценты			
Всего населения	1357820	74916	54,77	61866	45,23	12,37	7,16	5,21
Пекин	21520	1858	86,35	294	13,65	9,75	4,92	4,83
Тяньцзинь	15170	1248	82,27	269	17,73	8,19	6,05	2,14
Хэбэй	73840	3642	49,33	3741	50,67	13,18	6,23	6,95
Шаньси	36480	1962	53,79	1686	46,21	10,92	5,93	4,99
Внутренняя Монголия	25050	1491	59,51	1014	40,49	9,31	5,75	3,56
Ляонин	43910	2944	67,05	1447	32,95	6,49	6,23	0,26
Цзилинь	27520	1509	54,81	1244	45,19	6,62	6,22	0,40
Хэйлунцзян	38330	2224	58,01	1609	41,99	7,37	6,46	0,91
Шанхай	24260	2173	89,60	252	10,40	8,35	5,21	3,14
Цзянсу	79600	5191	65,21	2769	34,79	9,45	7,02	2,43
Чжэцзян	55080	3573	64,87	1935	35,13	10,51	5,51	5,00
Аньхой	60830	2990	49,15	3093	50,85	12,86	5,89	6,97
Фуцзянь	38060	2352	61,80	1454	38,20	13,70	6,20	7,50
Цзянси	45420	2281	50,22	2261	49,78	13,24	6,26	6,98
Шаньдун	97890	5385	55,01	4404	44,99	14,23	6,84	7,39
Хэнань	94360	4265	45,20	5171	54,80	12,80	7,02	5,78
Хубэй	58160	3288	55,67	2578	44,33	11,86	6,96	4,90
Хунань	67370	3320	49,28	3417	50,72	13,52	6,89	6,63
Гуандун	107240	7292	68,00	3432	32,00	10,80	4,70	6,10
Гуанси	47540	2187	46,01	2567	53,99	14,07	6,31	7,86
Хайнань	9030	486	53,76	418	46,24	14,56	5,95	8,61
Чунцин	29910	1783	59,60	1209	40,40	10,67	7,05	3,62
Сычуань	81400	3769	46,30	4371	53,70	10,22	7,02	3,20
Гуйчжоу	35080	1404	40,01	2104	59,99	12,98	7,18	5,80
Юньнань	47170	1967	41,73	2747	58,27	12,65	6,45	6,20
Тибет	3180	82	25,75	236	74,25	15,76	5,21	10,55
Шэньси	37750	1985	52,57	1791	47,43	10,13	6,26	3,87
Ганьсу	25910	1080	41,68	1511	58,32	12,21	6,11	6,10
Цинхай	5830	290	49,78	293	50,22	14,67	6,18	8,49
Нинся	6620	355	53,61	307	46,39	13,10	4,53	8,57
Синцзян	22980	1059	46,07	1240	53,93	16,44	4,97	11,47

Рис. 1. Уровень урбанизации провинций КНР¹

¹ Нормативный показатель для определения уровня коэффициентов: урбанизация по стране — 54%.

Рис. 2. Коэффициент рождаемости по провинциям КНР²

² Нормативный показатель для определения уровня коэффициентов: рождаемость по стране — 12,37%.

Рис. 3. Коэффициент смертности по провинциям КНР³

³ Нормативный показатель для определения уровня коэффициентов: смертность по стране — 7,16%.

Рис. 4. Коэффициент естественного прироста по провинциям КНР⁴

⁴ Нормативный показатель для определения уровня коэффициентов: естественный прирост по стране — 5,21%.

Таблица 2. Сводная таблица основных коэффициентов по провинциям КНР⁵

Провинция	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности	Стадия демографического перехода
Синьцзян	Очень высокий	Низкий	2
Тибет	Очень высокий	Низкий	
Цинхай	Высокий	Средний	3
Хайнань	Высокий	Средний	
Шаньдун	Высокий	Средний	
Гуанси	Высокий	Средний	
Фуцзянь	Высокий	Средний	
Хунань	Высокий	Средний	
Цзянси	Высокий	Средний	
Хэбэй	Высокий	Средний	
Нинся	Высокий	Средний	
Гуйчжоу	Высокий	Средний	
Аньхой	Высокий	Средний	
Хэнань	Высокий	Средний	
Юньнань	Высокий	Средний	
Ганьсу	Средний	Средний	
Хубэй	Средний	Высокий	
Шэньси	Средний	Средний	
Чунцин	Средний	Высокий	
Сычуань	Средний	Высокий	
Шаньси	Средний	Средний	
Гуандун	Низкий	Низкий	4
Чжэцзян	Средний	Низкий	
Пекин	Низкий	Низкий	
Цзянсу	Низкий	Низкий	
Внутренняя Монголия	Низкий	Низкий	
Шанхай	Низкий	Низкий	
Тяньцзинь	Низкий	Низкий	
Хэйлуцзян	Очень низкий	Высокий	
Цилинь	Очень низкий	Средний	
Ляонин	Очень низкий	Средний	

⁵ Нормативные показатели для определения уровня коэффициентов: рождаемость по стране — 12,37%, смертность по стране — 7,16%, естественный прирост по стране — 5,21%.

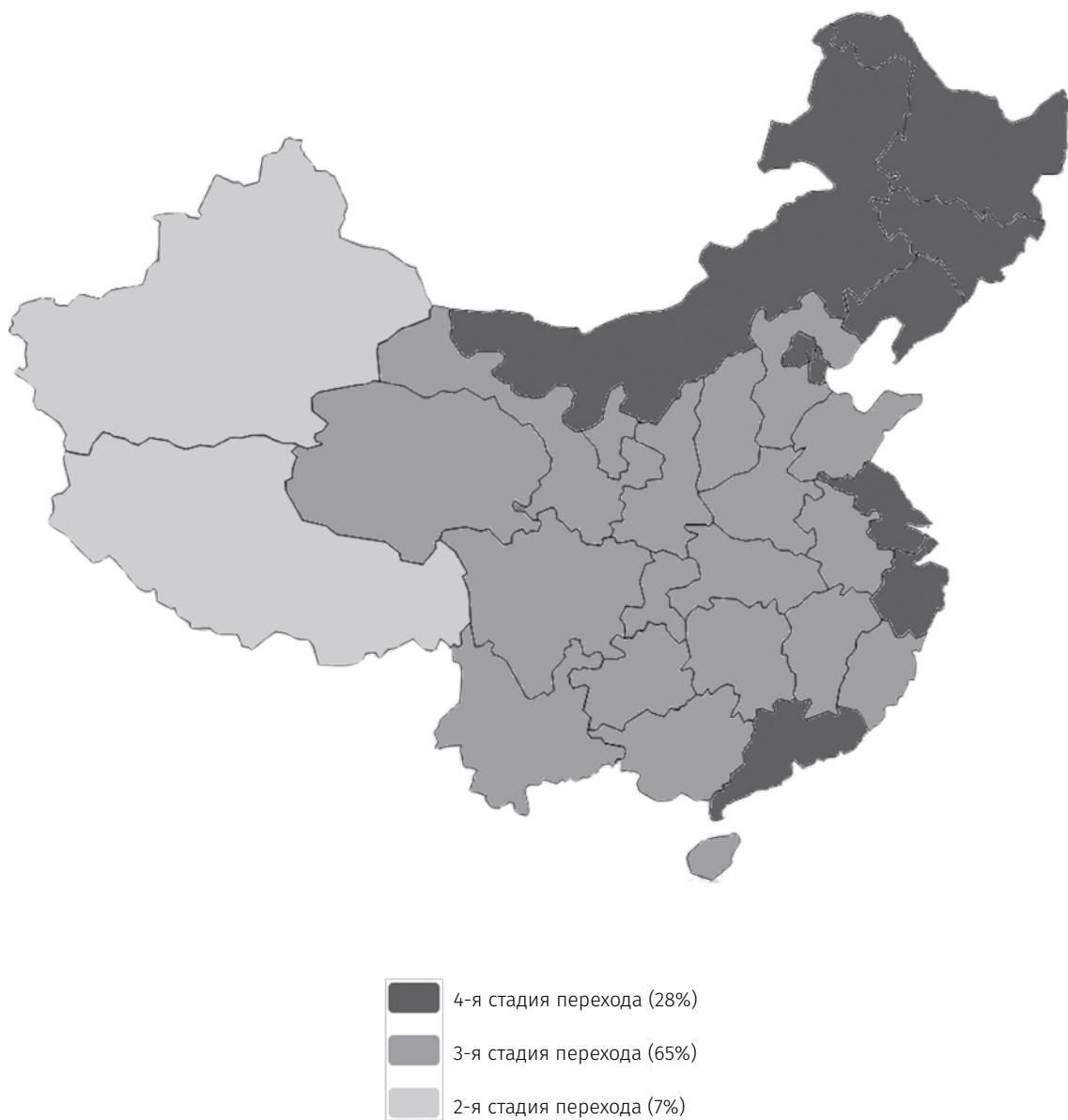

Рис. 5. Распределение стадий демографического перехода по провинциям КНР (%)⁶

⁶ От общего количества провинций в стране.

Таким образом, количественный анализ коэффициентов позволил выделить следующие региональные особенности демографических процессов в КНР.

1. Основная часть провинций (юго-западные, центрально-южные) КНР находится на третьей стадии демографического перехода (65%), на четвертой стадии — только северные, северо-восточные, восточные провинции (28%), в том числе такие развитые провинции, как Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Гуандун. На второй стадии находятся экономически отсталые Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные районы (АР) (7%).

2. Высокая рождаемость в западных провинциях КНР вследствие их аграрной направленности (Тибетский АР, Синьцзян-Уйгурский АР).

3. Низкая рождаемость в бывших промышленных центрах (в настоящее время — экономически отстающие провинции Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь).

4. Высокий уровень смертности в экономически развитых провинциях (в частности, в провинции Гуйчжоу, а также Юньнань и Сычуань).

Качественная интерпретация полученных результатов способствовала выявлению ряда противоречий теории демографического перехода, связанных с несоответствием стадии, на которой находится та или иная провинция, уровням демографических коэффициентов, соответствующих данной стадии.

Так, например, провинции Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь переживают четвертую стадию демографического перехода. Согласно теории эти экономически отсталые провинции должны показывать высокие коэффициенты рождаемости, однако они отличаются самыми низкими показателями по стране. Это объясняется тем, что в провинциях проживают этнические корейцы, а также русские, что сказывается на рождаемости.

Для провинции Гуйчжоу (как и для провинций Юньнань и Сычуань), которая находится на третьей стадии перехода и является экономически развивающейся, по теории должен быть характерен средний/низкий показатель смертности, но из-за орографических особенностей рельефа (горная местность, частые оползни, обрушения) и нестабильной экологической ситуации (в начале 2000-х гг. произошло более 75 экологических катастроф) здесь наблюдается самый высокий коэффициент смертности в КНР.

Можно сделать вывод, что применение теории демографического перехода эффективно на макроуровне. На микроуровне при анализе демографических процессов следует учитывать влияние на них специфических факторов (экономических, этнических, политических и религиозных), что подтверждает точку зрения М. А. Клупта о необходимости комплексного анализа социально-экономических отношений, институтов, политики и т. д.

Использованные источники

1. Зверева Н. Демографический переход: спор о теории разного уровня // Демографическое обозрение: электронный научный журнал. 2015. Т. 2. № 1.

2. Вишневский А., Тольц М. Незамеченный вклад в теорию демографического перехода // Демографическое обозрение: электронный научный журнал. 2015. Т. 2. № 4.

3. Клупт М. А. Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое

обозрение: электронный научный журнал. 2014. Т. 1. № 1.

4. Амосов М. И., Калоева А. Т., Лимонина И. Г., Сафина С. С. Экономическая география стран Азиатско-Тихоокеанского региона: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 91 с.

5. Баженова Е. С. Население Китая. М.: Мысль, 2001. 170 с.

6. China Statistical Yearbook 2015 // National Bureau of Statistics of China China Statistics Press, 2015.

А. А. Остапенко

Русский мир как интегрирующее коммуникативное пространство

Аннотация: Идея Русского мира сегодня воспринимается как амбивалентное понятие, во-первых, в связи с идеей этнической общности и территориальной целостности, во-вторых, с точки зрения мировоззренческого подхода рассматриваемый концепт репрезентирует мультикультуральный и интернациональный контекст. Рассматриваемое понятие в связи с имманентной полифункциональностью оказывается системным интегратором коммуникации, объединяя в себе «концептуальные каркасы», которые являются своеобразными буферами на пути столкновения различных систем.

Ключевые слова: Русский мир, полифункциональность, концептуальные системы, интегратор, идентичность.

Об авторе

Анжелика Анатольевна Остапенко (Калининград, Российская Федерация) — доцент института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, кандидат филологических наук; AAOstapenko@kantiana.ru

A. Ostapenko

Russian World as an Integrative Communicative Discourse

Summary: The idea of the Russian world today is perceived as an ambivalent notion, first, in connection with the ethnic community and territorial integrity, and secondly, from the point of view of philosophical approach, considering the concept represent: multicultural and international context. In connection with inherent multifunctionality is a system integrator of communications, combining "conceptual frameworks", which are a kind of buffer on a collision of different systems.

Keywords: Russian world, multifunctionality, conceptual system, the integrator, identity.

About the Author

Anzhelika Ostapenko (Kaliningrad, Russian Federation) — Associate Professor of the I. Kant Baltic Federal University, Candidate of Philological Sciences; AAOstapenko@kantiana.ru

Современный мир сложен, многообразен и динамичен и при этом существенно противоречив. Сегодня единое географическое пространство во многом разрушено, однако Русский мир не является неким совершенно новым пространством. Содружество многих пространств детерминируется различными условиями, однако их национальная и территориальная общность оказывается приоритетной. Именно «когда человек четко идентифицирует себя с определенным обществом, видит себя частью группы, он обрывает "нравственными корнями", поскольку общество предлагает ему систему координат» [1, с. 27]. В связи с этим Русский мир и является

той интегрирующей общностью, которая, сохраняя организационную идентичность, аккумулирует идеологические установки.

Безусловно, значимо отметить, что ни одна из стран Русского мира не может действовать на международной арене в полном одиночестве, здесь также должен соблюдаться принцип соборности, взаимопонимания и взаимодействия. Мы говорим о существовании Русского мира в контексте русской идеи (термин введен В. С. Соловьевым в 1887–1888 гг.). Говоря о диалоговом подходе в познании и самопознании, философы (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев) подчеркивали необходимость интеграции отечественной и ми-

ровой культур [2, с. 108–109]. В содержательном же смысле понятие Русский мир по-прежнему метафорично, является скорее речевым оборотом, нежели конкретной научной категорией, обладающей четким понятийным статусом.

Сегодня важно определить направления трактовки концепта «русский мир». Если говорить о внешнем, скорее формальном, восприятии, то при репрезентации рассматриваемого понятия четко вырисовывается территориальный контекст. Он прежде всего определяется ареалом распространенности русского языка, а также русской культуры. В связи с этим возникает вопрос: можно ли относить к Русскому миру иностранца, говорящего на русском языке и вовлеченного в русскую культуру? Определенно, ответ будет положительным, поскольку Русский мир является структурой объединяющей и интегративной, а не дистанцирующей и разделяющей. Возникшие в свое время контексты *французский мир* и *немецкий мир* были маркированы националистическими коннотациями, что и привело к антагонистическим настроениям в процессе их восприятия, а в результате экстраполяции рождается отрицательная семантика в идее Русского мира сегодня.

Иное же восприятие категориальной структуры Русского мира утверждает мировоззренческий контекст вненационального и внетерриториального объединения, где господствуют интернациональные отношения. Обратим внимание на то, что в европейской практике категориальная составляющая Русского мира *патриотизм* зачастую подменяется *национализмом*, в связи с чем патриотизм рассматривается как крайняя точка национализма. Подобная амбивалентность восприятия говорит о его многомерности и полифункциональности, но при этом не лишает целостности.

Вместе с тем социологический анализ Русского мира обладает значительной когнитивной ценностью для понимания характера социокультурных изменений, вектора развития, построения

модели гражданской и этнической идентичности. Калининградская область сегодня является ярким примером подобного взаимоотношения. Местные социологические исследования указывают на рост количества людей, относящих себя к сторонникам расширенной автономии — «европейцам» или «калининградцам» как к особому квазисубэтносу. Обратим внимание, что 85% населения области — русские, которые способны примирять в своем мировоззрении разные культуры, воспринимать и немецкую топонимику как германское наследие региона, и российскую идентичность, маркированную русским языком, культурой и духовными скрепами, тем самым гармонично интегрирующуюся в понятия Русского мира.

Существование идеи Русского мира как единого пространства русской культуры, русского языка, цивилизационного развития представляется на фоне текущих процессов фактором консолидирующего и прогрессивного начала новой России [3, с. 58–63]. Однако, говоря о ней, мы должны помнить, что современная Россия всегда должна зиждиться на собственных устоях, и только тогда взаимоотношения в структуре Русского мира будут организованы вполне определено. Представляется значимым влияние Русского мира на формирование социальной идентификации в коммуникативном пространстве прежде всего через язык.

Русский язык — важный коммуникационный элемент Русского мира. В большинстве случаев взаимодействие членов языкового пространства оказывается достижимым благодаря принципиальной общности их вероятностного опыта, базирующегося как в дискурсе объективной реальности, так и в совместном владении процедурами когнитивного вывода. Именно язык оказывается релевантным инструментом организации диалога, и своего рода лакмусовой бумажкой, потому что первый реагирует на противоречия, возникающие в системе Русского мира. Но не только язык, но и знания,

взгляды, установки при всех их различиях имеют общественный характер.

Многие члены языкового коллектива склонны примыкать к группам сходных убеждений (в этом и выражается социально-психологическая природа конформизма, которая в данном случае является позитивной). При этом возникает вопрос влияния личного фактора на мир в целом, и здесь принцип интегрального подхода к исследованию языковой личности, принцип интегральной организации индивидуальности, принцип ее вовлеченности как системы в коммуникацию является составляющим. Заметим, что все это происходит в рамках единой общности, по общим законам, но лично. Нельзя забывать, что отношения между коммуникантами развиваются по вертикали, горизонтали, а также имеют разновекторную направленность, но все это должно происходить в пределах единого коммуникативного пространства «русский мир». В связи с этим на уровне именно социальной организации индивидуальные концептуальные системы унифицируются, и тем самым интегрируются идеальные образования, обеспечивающие общение и взаимодействие людей в социуме.

И все же Русский мир амбивалентен. С одной стороны, он является этнической общностью, т. е. соотносит представите-

ля русского народа с его историей, культурой и актуальным образом жизни. В этом смысле он реализует взгляд на историю и современность русской жизни как на этапы и эпохи становления русского этноса.

С другой стороны, Русский мир содержательно выступает в единстве с евразийским пространством, цивилизацией в целом, потому что целостность, единство и развитие евразийского социокультурного мира определяется целостностью, единством и развитием преимущественно русского народа и государства. В связи с этим интегрирующая роль коммуникативного медиатора сегодня актуальна.

Обратим внимание, что еще философом Л. Витгенштейном для обозначения подобных структур был использован термин «концептуальные каркасы» [4, с. 258–268], который в широком контексте аккумулировал научное, объективное знание и субъективные моменты, а также идеологические установки и религиозные модели. Именно сегодня Русский мир в связи с имманентной полифункциональностью оказывается системным интегратором коммуникации, объединяя в себе концептуальные каркасы, которые являются своеобразными буферами на пути столкновения различных систем.

Использованные источники

1. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / под ред. проф. И. А. Василенко. М. : Международные отношения, 2013.

2. Евразийская мудрость от А до Я. Толковый словарь / авт.-сост. В. И. Зорин. Алматы : СӨЗдік – Словарь, 2002.

3. Батанова О. Н. Русский мир как реальность и глобальный проект // Право и политика. 2008. № 12.

4. Ильенков Э. В. Личность и творчество. М. : Языки русской культуры, 1999.

С. Х. Барлыбаева

Информационная парадигма евразийской интеграции

Аннотация: Информационной эпохе характерны расширение человеческих контактов, обмен культурными ценностями, обогащение практики общественной жизни. Синтез восточного и западного стилей коммуникации, отношения к человеку, обществу, государству дает импульс к дальнейшему развитию цивилизации.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, массмедиа.

Об авторе

Сауле Хатиятовна Барлыбаева (Алматы, Республика Казахстан) — профессор кафедры печати и электронных СМИ факультета журналистики Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук; tv.headmaster@gmail.com

---

S. Barlybayeva

Information Trend of Eurasian Integration

Summary: Information era is mean expansion of human contacts, exchange of cultural values, enrichment practice of social life. The synthesis of East and West styles of communications, relations to man, to people, to society, to government is giving impulse to further development of civilization.

Keywords: Eurasian integration, Eurasian economical union, mass media

About the Author

Saule Barlybayeva (Almaty, Republic of Kazakhstan) — Professor of the Chair of Press and Electronic Mass Media of the Faculty of Journalism Al-Farabi Kazakh National University; tv.headmaster@gmail.com

---

Диалог и взаимное обогащение цивилизаций, стран, регионов через межнациональные контакты и сотрудничество являются определяющими условиями гармоничного развития мира. Евразийскую интеграцию начали исследовать еще в XIX — начале XX в., ряд выдающихся мыслителей того периода — А. Трубецкой, П. Савицкий, Н. Вавилов, Л. Гумилев — сформировали идею евразийства. Через всю жизнь пронесли философию евразийства Н. Бердяев, Л. Гумилев, М. Аджи, М. Барманкулов, Б. Момыш-улы, А. Чижевский, О. Сулейменов и многие другие исследователи, историки, писатели, просветители. Лишь спустя столетие эта идея проявилась в виде масштабного объединения, межгосударственного проекта, научной концепции, реализация которой осуществляется в XXI в.

По убеждению великого Абая, западный путь развития, активный и динамичный, приносит людям осязаемые

внешние блага, но истощает духовность, а восточный — хотя созерцательный и внешне вроде пассивный — за кажущейся латентностью движет напряженную непрерывную духовную работу [1, с. 7]. «Осознание этого, — писал Бахытжан Момыш-улы, — и подтолкнуло Абая к созданию философской школы “Имани-гюль. Имани-ахыл”, которая должна была способствовать развитию этих двух путей, при внимательном рассмотрении являющихся лишь разными сторонами одного феномена и имеющих единый исток... Оставаясь в прошлом, одна цивилизация передавала в наследство грядущей свой менталитет, свои обычаи и традиции, которые за тысячелетия образовали особый духовный и энергетический коридор, вмещающий культурное богатство многих народов, даже забытых и вроде бы исчезнувших с лица Земли. Осознание этого пробуждает от тяжелой дремоты незавершенности и ведет к великому идеалу Един-

ства через сближение и объединение» [1, с. 7, 10].

Существование мировой и национальных коммуникационных систем можно обозначить как двусторонний процесс интернационализации, с одной стороны, и локализации — с другой, которые влияют друг на друга. Восточные и западные коммуникационные модели представляют интересный контраст в отношении их целей, средств для достижения этих целей и роли личностей в коммуникационном процессе. В западной перспективе важную роль в установлении и поддержании политической, социальной и экономической свободы для личности играет коммуникация. Эта функция коммуникации имеет как историческое, так и современное значение. Исторически цель коммуникации на Востоке — достичь духовной гармонии между человеком и природой. Академик Н. И. Конрад в своей работе «Запад и Восток» писал: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей. Связь эта, конечно, может быть очень различной — и по характеру, и по интенсивности, и по масштабу, но она всегда существует» [2, с. 17].

Показательны различия в предпочтениях американцев и жителей Сингапура (азиатских респондентов):

— организованное общество: 71% азиатских респондентов против 11% американских;

— личная свобода: 82% американцев против 32% азиатских;

— индивидуальные права: 78% американцев против 29% азиатских респондентов [3].

О различиях в системах общепризнанных ценностей необходимо помнить при развитии глобальных информационных процессов. Специалисты утверждают, что восточная и европейская коммуникации существенно отличаются друг от друга. Европейская — это коммуникация максимального сообщения, основанная на логической выстроенности текста: не столько думать, сколько рассуждать; истина постигается в споре.

Восточная — это коммуникация минимального сообщения, зависящая от постоянно меняющейся ситуации: сообщение выдается сразу, целиком — как импульс уму; истина постигается в молчании; главное не в том, чтобы утвердить свое мнение, а в том, чтобы не помешать другому. Современная психология, по мнению специалистов, отдает предпочтение невербальной коммуникации.

Канадский исследователь М. Маклюэн предсказывал, что Восток будет стремиться в сторону Запада, и Запад будет охвачен востоковедением. Ключ к миру — понять обе системы одновременно [4, с. 3]. И как бы существенно не отличались друг от друга восточная и европейская цивилизационные и коммуникационные модели, создание информационного общества сглаживает всякого рода уникальные черты, подгоняя их под универсальное миропонимание.

Столкнувшись с проблемами вестернизации, ученые все чаще упоминают о евразийском принципе цивилизации открытости культуры, конструктивного взаимодействия между странами Востока и Запада. Как отметил Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев, «...взаимопонимание между Востоком и Западом зиждется на знании особенностей друг друга и содержит в себе огромные возможности, которые предстоит обратить на благо наших стран и народов» [5].

Информационная эпоха предполагает расширение человеческих контактов, обмен культурными ценностями, обогащение практики общественной жизни. Синтез восточного и западного стилей коммуникации, отношения к человеку, обществу, государству дает импульс к дальнейшему развитию цивилизации.

Казахстан, как отмечают исследователи, представляет собой удачный синтез между азиатским Востоком и европейским Западом. Как евразийское государство, находящееся на стыке Востока и Запада, являющееся мостом между Европой и Азией, наша страна вобрала и вбирает все лучшее и с Запада, и с Востока.

Об этом свидетельствуют: вхождение Казахстана в Евразийский экономический союз, участки древнего торгового Шелкового пути, пролежавшие через Казахстан, действующая коммуникационная магистраль Транс-Азия-Европа (ТАЕ), соединяющая Восток и Запад.

Президент Казахстана Н. А. Назарбаев отмечал, что добрососедство, равноправие, честное сотрудничество — необходимые условия для экономической интеграции стран СНГ. Только на такой основе могут быть осуществлены и другие интеграционные проекты.

В рамках интеграционных процессов за прошедшие годы наметилась определенная тенденция к созданию системы информационного межгосударственного взаимодействия. При этом каждая страна стремится внести свой вклад в интеграционные процессы. Всестороннее развитие стран СНГ постоянно освещает Межгосударственная телерадиокомпания «Мир», а в Казахстане — «Первый канал «Евразия»». Телеканал «Россия РТР» в рамках информационной программы «Вести» активно информирует о новостях ЕАЭС.

В средствах массовой информации идет широкое обсуждение и освещение проблемы информационного обеспечения евразийского интеграционного проекта и коммуникационного взаимодействия на постсоветском пространстве. Об этом свидетельствуют многочисленные международные конференции, круглые столы, создание некоммерческих организаций, таких как «Евразийская интеграция», некоммерческий фонд «Наследие Евразии», развитие евразийских научно-исследовательских центров в Алматы, Астане, Москве, Минске, Санкт-Петербурге, Ереване и других городах.

Интеграционный проект — Единое экономическое пространство Казахстана, России, Беларуси, старт которому был дан 1 января 2012 г., нашел широкий отклик в средствах массовой коммуникации, способствовал развитию социальных институтов, научных центров, таких как Международное евразийское движе-

ние в Москве, кафедра социологии факультета международных отношений МГУ, Центр Евразии в Белорусском технологическом университете, Центр Абая, Центр Евразии в Ереванском университете, Евразийский центр есть и в Астане в Евразийском университете им. Л. Н. Гумилева.

Идея евразийской интеграции находит все больше сторонников на постсоветском пространстве, тем более в Казахстане, ведь именно Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев еще в 1994 г. впервые предложил идею создания евразийского союза, выступая в МГУ им. М. В. Ломоносова. Прошло 17 лет, и в октябре 2011 г. в газете «Известия» были опубликованы статьи руководителей трех стран: Казахстана, России и Беларуси — Н. Назарбаева, В. Путина и А. Лукашенко, в которых была выдвинута идея о евразийской экономической интеграции.

Эти статьи лидеров государств дали толчок к созданию Евразийского научно-исследовательского центра КазНУ им. аль-Фараби, основателем и руководителем которого был Жарас Умарович Ибрашев (к сожалению, почти два года назад его не стало).

С января 2012 г. Центр действует, активно развивается. Профессор Ж. У. Ибрашев положил начало евразийской научной школе в КазНУ им. аль-Фараби. Под его руководством ежегодно выпускались монографии, научные сборники по развитию Евразийского союза, проводились конференции, круглые столы. Об этом свидетельствуют книги, вышедшие под редакцией Ж. У. Ибрашева: «Идея о Евразийском союзе отвечает духу времени» (2012 г.), «Идея о Евразийском союзе и государственный суверенитет» (2013 г.), «Экономический фактор евразийской интеграции» (2013 г.), «Евразийство: история, теория, практика» (2014 г.), «Евразийская идея Президента Н. Назарбаева и ее развитие» (2014 г.), «Идея стала реальностью» (2015 г.) и многие другие.

Многие исследователи, ученые определяют важнейшие принципы функцио-

нирования будущего ЕАЭС: принцип глобальности (как одного из будущих центров мировой политики и экономики), принцип единства в многообразии, принцип разнотемпной и разноуровневой интеграции, активное взаимодействие с соседями Евразийского экономического союза.

В 26 мая 2017 г. прошла Международная научно-методическая конференция «Евразийская интеграция как ответ на вызовы XXI века», посвященная памяти Жараса Умаровича Ибрашева. Главной темой обсуждения стала актуальная проблема евразийской интеграции, евразийской идентичности, модернизации общественного сознания в контексте современных международных и региональных процессов.

Как отмечают эксперты, интеграционный процесс в формате евразийства является неотъемлемой частью глобального объединения на постсоветском пространстве. На него повлияли многие составляющие: социально-экономические, культурные, региональные, языковые, а также активное сотрудничество стран СНГ. Евразийская интеграция — это неизбежный процесс (к которому Казахстан имеет прямое отношение как центр), объединяющий народы, их историю, культуру, менталитет, многие бизнес-процессы.

Информационные процессы имеют глобальный характер, но также национальную специфику того государства, в котором они происходят. С 2012 г. реализуется государственная программа «Информационный Казахстан — 2020» [6]. В ней особый акцент сделан на развитие медийного пространства, производство казахстанского контента, повышение уровня удовлетворенности отечественным информационно-культурным продуктом. В результате этого, как отмечается в госпрограмме, к 2020 году предполагается увеличение объема телевизионной продукции казахстанского производства до 60% от общего эфирного времени, количество интернет-сайтов в доменах .kz и .kaz должно увеличиться

на 50% по сравнению с 2012 г. Казахские телеканалы станут доступны на территории 110 стран, а количество СМИ в Интернете составит 95% от их общего числа. К 2020 г. количество абонентов национальной спутниковой сети должно достигнуть 1 млн человек [6].

Доля негосударственных СМИ на информационном рынке страны составляет 85%. Из общего числа газет почти половина выходит на казахском и русском языках, есть газеты, выходящие только на казахском или только на русском языках, часть газет выходит на уйгурском, корейском, английском, немецком и других языках. Финансовая поддержка этнических средств массовой информации и освещения межэтнических отношений с 2005 г. увеличена более чем в четыре раза. Газеты и журналы в Казахстане выпускаются на 15 языках, радиопередачи выходят на восьми, телепередачи — на 11 языках. Государством выделяются средства на поддержку деятельности 19 этнических СМИ, а всего их 33 [7].

Количество интернет-пользователей в Казахстане достигло 10 млн человек в 2016 г., увеличившись за год на 1,8% [7]. Здесь немного спорные показатели, так как другие источники отмечали 12 млн интернет-пользователей в стране (население Казахстана на 1 июля 2017 г. составляло 18 млн 14 тыс. человек). По данным Комитета по статистике Республики Казахстан, по итогам 2015 г. в Казахстане зафиксировано 31,4 млн SIM-карт. Таким образом, уровень проникновения мобильной связи составил 185%. Более 35% (11 млн из этих SIM-карт имеют возможность выхода в Интернет [8]. Согласно рейтингу SimilarWeb наиболее популярные площадки в Казахстане — социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook), поисковые системы (Google, Яндекс), портал Mail.ru, а также видеохостинг YouTube.

В настоящее время в правительстве идет разработка новой программы «Цифровой Казахстан», которая создаст новую цифровую платформу, улучшит возмож-

ности ведения бизнеса и повысит качество жизни населения. Как отмечал экс-министр по инвестициям и развитию Республики Казахстан Асет Исекешев, «...новая политика призвана стать одним из ключевых драйверов страны в нынешней экономической ситуации. Основными приоритетами в рамках программы будут: завершение обеспечения полностью доступа к широкополосному Интернету для населения страны» [9].

Тема евразийской интеграции в Казахстане является одной из наиболее обсуждаемых, СМИ уделяют ей большое внимание. Как отмечает заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований, доктор исторических наук Леся Каратаева: «Интеграция, достигнутые в ходе нее результаты вошли в наши новостные передачи, присутствуют в интернет-пространстве, в печати. У нас очень много публикуется аналитики на эту тему, книги выпускаются. Социологические замеры показывают, что население в подавляющем большинстве поддерживает этот вектор. Но тем не менее нельзя назвать поддержку стопроцентной. У нас существует дискурс, фиксирующий критику интеграционных процессов. Можно сказать, что некие основания для критических замечаний имеются. Объем экспорта казахстанских товаров уменьшился, импорт возрос. То есть сальдо не в пользу Казахстана сложилось. Надо принять во внимание такую динамику, выявить ее причины и работать дальше. Ведь очевидно, что альтернативы евразийской интеграции не существует» [10]. У евразийского проекта должна появиться социально-гуманитарная стратегия, чтобы население, т. е. аудитория СМИ, ощутило пользу от данной интеграции, узнало о ее плюсах и минусах.

В Астане обсудили ситуацию в информационной сфере Евразии: 22–24 июня 2017 г. в столице Казахстана прошел традиционный масштабный Евразийский медиафорум, на котором обсуждались глобальные проблемы от нового миропорядка до влияния СМИ на

образ страны. А накануне в экспертном кругу в Астане обсудили более узкую проблему — информационно-аналитическое обеспечение евразийской интеграции. Дискуссия «Информационный фактор евразийской интеграции» прошла на базе Центра аналитических исследований «Евразийский мониторинг».

Медийное освещение евразийских интеграционных процессов сегодня остается одной из проблемных составляющих развития ЕАЭС. Первое, что бросается в глаза при рассмотрении информационного фактора евразийской интеграции, — дефицит качественной информации о ЕАЭС в СМИ. Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Российской Федерации Марат Тажин призвал журналистов объективно подходить к освещению интеграционных процессов на евразийском пространстве, в том числе уделять пристальное внимание межгосударственным гуманитарным проектам [11].

Центр изучения перспектив интеграции и Институт социологии НАН Беларуси провели исследование с целью выяснить, как СМИ в странах ЕАЭС оценивают евразийскую интеграцию и как относятся к странам-партнерам. Авторы исследования проанализировали информационное поле Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России в I квартале 2017 г. Медиаиндекс складывается из нескольких элементов, среди которых: тональность публикаций, степень официоза в сообщениях СМИ, освещение в государственных и деловых СМИ. Самые высокие показатели индекса зафиксированы в Кыргызстане (77%) и Казахстане (74%), самые низкие — в России (60%) и Беларуси (50%).

Результаты исследования показали, что наиболее широко евразийская интеграция представлена в информационном поле Кыргызстана. «Страны ЕАЭС не заняты всерьез продвижением интеграционной повестки и в целом мало внимания уделяют проблематике ЕАЭС», — делают вывод авторы доклада, отмечая, что государственные СМИ могут стать основ-

ным инструментом информационных кампаний в рамках ЕАЭС. Любое социальное явление, каковым является создание Евразийского экономического союза, требует глубокого осмысления, научного подхода и теоретического исследования всех его составляющих. Информационно-культурная общность способствует формированию и развитию евразийских интеграционных процессов, духовного взаимообогащения.

Благодаря массмедиа, информационный поток насыщается новыми идеями, взглядами, событиями и явлениями, расширяя кругозор и умножая познания евразийцев. Имея общее историческое прошлое, тесные экономические и культурные связи, общие менталитет и язык общения, легче развивать евразийское информационное пространство.

Евразийская интеграция охватывает разные, но взаимосвязанные друг с другом сферы: политическую, экономическую, культурную, информационную. Заключение договора 1 января 2015 г. о создании Евразийского экономического союза способствовало усилению тенденции сближения на основе евразийства, и сегодня странам — участницам ЕАЭС необходимо найти достойные ответы на многие вызовы, выстроить в ближайшее время отношения на качественно новом уровне.

Инициативные предложения специалистов по информационному обеспечению

евразийской интеграции, по созданию евразийских проектов, центров предполагают активные действия на информационном пространстве внутри стран и за их пределами. Как отмечают исследователи, необходимо разработать единую стратегию подачи информации, приступить к формированию единого информационно-коммуникационного пространства. Любой интеграционный проект — это в первую очередь взаимодействие информационных пространств. Должны проводиться конференции, круглые столы, форумы, семинары, научные евразийские исследования; публиковаться информационные и аналитические материалы в традиционных и новых медиа, в том числе выступления экспертов, руководителей, директоров евразийских центров, институтов; создаваться интернет-сайты, порталы, социальные медиа по тематике и проблематике евразийской интеграции; активно осуществляться формирование и продвижение имиджа Евразийского экономического союза.

Все это будет способствовать формированию граждан разных стран и регионов Евразии о развитии Евразийского экономического союза. Средства массовой коммуникации должны способствовать поддержанию социальной сплоченности в условиях, когда стресс растущей глобализации обуславливают все большую взаимозависимость между народами.

Использованные источники

1. Возжигая пречистые огни...: Екклесия / сост.: Н. Г. Савицкая, Г. Н. Кулагин, Е. М. Чудин. Алматы : БИС, 2004. С. 7, 10.
2. Конрад Н. И. Запад и Восток : статьи. 2-е изд., исправ. и доп. М. : Глав. ред. вост. лит-ры, 1972.
3. Из речи премьер-министра Сингапура Гох Чок Тонга в сингапурской торгово-промышленной палате. Сингапур, 11 мая 1996 г.
4. McLuhan M., Powers B. R. The Global Village. Transformations in World Life and Media in the 21st Century. N. Y.; Oxford : Oxford University Press, 1989.

5. Назарбаев Н. А. О будущем Казахстана и внешней политике // Казахстан — государственная книга. Астана, 1998. С. 5.
6. Евразийская инициатива Нурсултана Назарбаева — основа современной экономической интеграции // Казахстанская правда. 2012. 27 ноября.
7. Онербаева К. Нация создателей // Экспресс К. 2011. 2 июля.
8. Уровень проникновения мобильной связи в Казахстане составил 185% // Computerworld. 2016. 12 апреля.

9. Ишекенова Б. Количество интернет-пользователей в Казахстане выросло с 8% до 68% // Zakon.kz: сетевое издание. URL: www.zakon.kz/4775464-kolichestvo-polzovatelej-interneta-v.html (дата обращения: 17.02.2016).

10. Каратаева Л. Казахстанские СМИ уделяют большое внимание евразийской интеграции // Фонд поддержки публичной дипломатии имени

А. М. Горчакова. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/9671> (дата обращения: 23.12.2016).

11. Марат Тажин призвал российских журналистов объективно освещать интеграционные процессы ЕЭС // Вечерняя Астана. URL: <http://vechastana.kz/ei/100975-marat-tazhin-prizval-rossiyskikh-zhurnalistov-obektivno-osveshchat-integratsionnye-protsessy-ees> (дата обращения: 30.07.2017).

Е. Г. Ростова

Русский язык — важнейшее средство освоения общего культурного наследия стран СНГ¹

Аннотация: В статье рассматривается современная ситуация функционирования русского языка в странах СНГ, задачи укрепления и расширения русского языкового, российского культурного и образовательного пространства в государствах СНГ на основе существующего общего культурного наследия. В статье также представлен инновационный проект Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина — мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» как новое средство обучения, реализующее задачи федеральной целевой программы «Русский язык».

Ключевые слова: русский язык, язык и культура, диалог культур, мультимедийный лингвострановедческий словарь.

Об авторе

Евгения Гелиевна Ростова (Москва, Российская Федерация) — ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения русскому языку Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, доцент, кандидат педагогических наук; rostova_evgenija@mail.ru

---

E. Rostova

Russian Language is the Most Important Means of Development of Common Cultural Heritage of CIS Countries

Summary: The article discusses the current situation of functioning of the Russian language in the CIS countries, the task of strengthening and expanding the Russian language, Russian cultural and educational space in the CIS states on the basis of the existing common cultural heritage. The article also presents an innovative project of the Pushkin State Russian Language Institute — multimedia dictionary «Russia» (language and culture) as a new learning tool that implements the task of the Federal target program «Russian language».

Keywords: Russian language, language and culture, cultural heritage, dialogue of cultures, multimedia dictionary

About the Author

Evgeniya Rostova (Moscow, Russian Federation) — Leading Researcher at the Laboratory of the Innovative Means of Teaching the Russian Language of the Pushkin State Russian Language Institute, Candidate of Pedagogical Sciences; rostova_evgenija@mail.ru.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в декабре 2015 г., подчеркнута особое значение русского языка как «основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве» [1]. За последние два года для ускорения процессов евразийской интеграции были разработаны и частично реализованы программы поддержки изучения русского языка и культуры в государствах — участниках Содружества Независимых Государств. Этим занимались Совет по делам СНГ, Библиотечная Ассамблея Евразии,

фонд «Русский мир», фонд «Евразийское содружество», Россотрудничество и др.

В 2013 г. решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств Государственному институту русского языка им. А. С. Пушкина был придан статус базовой организации Содружества Независимых Государств по преподаванию русского языка. С 2014 г. институт выполняет функцию научно-методического и информационно-аналитического центра масштабной правительственной Программы по продвижению русского языка и образования на

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (Грант № 15-34-11114 «Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России»).

русском языке, инициированной Советом по русскому языку при Правительстве Российской Федерации. За истекший период Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина провел ряд научно-практических конференций и семинаров, посвященных совершенствованию преподавания русского языка в учебных заведениях стран Содружества. Эта работа соответствует одному из основных направлений федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы [2], предусматривающей создание и совершенствование условий для укрепления и расширения русского языкового, российского культурного и образовательного пространства в государствах — участниках Содружества Независимых Государств.

Не вызывает сомнений, что укрепление и расширение русского языкового, российского культурного и образовательного пространства в государствах СНГ, как и любое развитие гуманитарной сферы, культурного диалога стран, возможно на основе существующего общего культурного наследия, созданного предшествующими поколениями и выдержавшего испытание временем.

Под общим культурным наследием мы понимаем произведения искусства, литературы и гуманитарные ценности, которые присутствуют одновременно в культурном контексте двух или нескольких (многих) стран в силу того, что они стали результатом диалога культур или являются национальными по форме вариантами общечеловеческих представлений о добре, красоте и справедливости.

Результатом диалога культур можно считать переводы классических и современных произведений художественной литературы, тексты национальных литератур, написанные на так называемую русскую тему (в произведениях русских авторов — на тему другой культуры); произведения изобразительного искусства, посвященные выдающимся людям соседних стран; иллюстрации и интерпретации знаменитых произведений литературы; интерпретации музыкальных

произведений (опера, балет), художественные и документальные фильмы и др. [3]. Существование и сопоставимо широкая известность таких произведений во всех или во многих странах СНГ — самый веский аргумент, подтверждающий взаимный интерес народов к культуре соседней страны.

В профессиональной среде преподавателей иностранных языков, в том числе и русского как иностранного, гарантией успеха считается высокая квалификация преподавателя (учителя) и хороший учебник. С этими двумя параметрами в основном и связан успех или неуспех обучения и воспитания, приобретения знаний, воспитания интереса и уважительного отношения к другим культурам, которое, разумеется, может возникнуть только на основе знания, возбуждающего переживание, т. е. затронувшего эмоциональную сферу личности. Не теряет актуальности мнение об этом Марка Николаевича Вяжтютнева, выдающегося ученого и методиста в области преподавания русского языка как иностранного: «...мотивация — это признание необходимости и ценности владения языком, настойчивое творческое отношение к изучению языка и страны, культуры его носителей, стремление не только узнавать ранее неизвестное, но и находить ему место в своей жизни. Такая мотивация является наивысшей и самой благоприятной для достижения высоких результатов в овладении языком, потому что для учащихся сам учебный процесс становится необходимостью и удовольствием» [4]. Справедливость этого определения проверена преподавателями и авторами учебников на протяжении нескольких десятилетий. Следовательно, повышение мотивации изучения иностранного языка, в том числе и русского как иностранного, возможно в том случае, когда изучаемые язык и культура соотносятся непосредственно с повседневной жизнью учащихся, с миром вокруг них и, возможно, лучше объясняют его. Такую направленность учебных материалов традиционно связывают с принципом учета

национальной культуры адресата, с диалогом родной и изучаемой культур.

В последние годы больше внимания преподаванию и преподавателям русского языка в СНГ стали уделять московские и петербургские вузы, традиционно возглавляющие сферу преподавания русского языка как иностранного и как неродного. Пять филиалов Московского государственного университета им. М. И. Ломоносова работают в странах СНГ: Казахстане, Таджикистане, Азербайджане, Узбекистане и Армении. Выпускники этих вузов имеют диплом МГУ и свободно говорят по-русски. «Мы уверены в том, что они будут очень верно оценивать ситуацию на постсоветском пространстве и отношения между нашими странами», — утверждает ректор университета В. С. Садовничий [5]. С 2008 г. работает проект «Сетевой университет СНГ», инициированный Российским университетом дружбы народов и поддерживаемый славянскими университетами стран СНГ и рядом российских вузов. Несколько лет в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина работает программа профессиональной переподготовки «Методика преподавания русского языка как неродного и иностранного».

В качестве примера новых учебников можно упомянуть книги, изданные в Бишкеке: «Под бездонным куполом Азии. Книга для чтения с удовольствием» (составители: А. С. Кацев, Н. Л. Слободянюк, издана в 2010 г.), учебник для вузов «Россия — Кыргызстан: история взаимоотношений» (авторы: В. А. Воропаева, Д. Д. Джунушалиев, В. М. Плоских, под редакцией академика А. Ч. Какеева, издан в 2016 г.).

Замечательным примером достойного внимания к качеству учебника русского языка является создание линейки учебников по русскому языку, литературе и культуре специально для школ с углубленным изучением русского языка в Армении. Важно отметить, что учебник для 10–11 классов называется «Русский язык и литература», а учебник для

12 класса — «Русский язык, диалог культур». Создание и внедрение в учебный процесс такого комплекта учебников стало возможно при финансовой поддержке фонда «Русский мир».

Среди проектов, реализующих поставленные в федеральной целевой программе «Русский язык» задачи по созданию эффективной системы изучения русского языка как родного, как неродного, как иностранного, доступный для граждан независимо от места их проживания, использующий возможности Интернета, — инновационный проект Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина «Мультимедийный лингвострановедческий словарь “Россия”» [6]. Словарь ориентирован и на тех, кто изучает русский язык как иностранный, и на тех, для кого русский язык не является родным, и, конечно, на тех, кто хочет больше знать о связях русского языка и русской культуры. Словарь рассказывает и о тех явлениях (текстах, произведениях искусства), которые теснейшим образом связаны с диалогом русской культуры с культурами народов, проживающих в странах современного Содружества Независимых Государств. Основные материалы, рассказывающие об этом, можно найти в статье «СНГ». Эта статья присутствует в словаре еще и потому, что Содружество Независимых Государств называют и ближним зарубежьем, и постсоветским пространством, и странами Содружества. А такая вариативность номинаций какого-либо явления, отражающая его суть и национально-культурное своеобразие, является одним из возможных лингвистических поводов включения слова (имени, названия и пр.) в словник словаря.

Дополняют статьи словаря медиатеки и интерактивные задания. В медиатеку входят отрывки из литературных произведений и фольклора, репродукции и фотографии, аудиозаписи и фрагменты художественных и документальных фильмов, упомянутых в словарной статье, 3D-модели, реалистические сферические панорамы. Практически это — электрон-

ные библиотеки, фонотеки и видеотеки известных всем русским текстов, изображений, аудио- и видеоматериалов. Интерактивные задания помогают при желании проверить усвоенность информации, а также ввести материал статьи в более широкий и современный культурный контекст. Мультимедийный характер словаря позволяет выбрать один из трех уровней сложности, который соответствует уровню владения русским языком пользователя.

Приведем примеры материалов из медиатеки словаря, демонстрирующие диалог русской культуры с культурами других народов (стран) СНГ. Условно их можно разделить по нижеуказанным рубрикам.

1. Репродукции произведений живописи, созданных русскими художниками на темы истории и культуры соседних стран и народов.

К таким произведениям можно отнести, например, картины «Туркестанской серии» В. В. Верещагина. Среди произведений художника, посвященных Киргизии, — виды гор и долины реки Чу, озера Иссык-Куль, снежных вершин Киргизского хребта, реки Нарын на Тянь-Шане. В память о пребывании в гостях у киргизского племени солто созданы картины «Киргиз», «Перекочёвка киргизов» и «Киргизские кибитки на реке Чу». Успех «Туркестанской серии» в России был огромным. Необходимость сделать картины Верещагина общественным достоянием не вызывала сомнений, и это сделал знаменитый коллекционер и меценат Павел Михайлович Третьяков, купивший в 1874 г. все полотна серии и открывший ее для широкой публики сначала в помещении Московского общества любителей художеств, а затем у себя в галерее в Лаврушинском переулке. Там в зале № 27 картины находятся по сей день.

В XX в. киргизская тема в русском искусстве развивалась в творчестве С. А. Чуйкова, посвятившего много лет жизни созданию в Киргизии национальной художественной школы; в картинах

«Киргизской сюиты» П. В. Кузнецова, поставивших этого русского живописца в ряд художников мирового уровня.

Широко известны и произведения русских художников, созданные на украинские исторические и бытовые сюжеты. Например, картины И. Е. Репина «Запорожцы», «Украинская хата», картина В. Е. Маковского «Украинский пейзаж с хатами» и т. д.

2. Тексты художественных литературных произведений. Медиатека словаря включает и произведения русских поэтов и писателей, посвященные истории и культуре других стран, и переводы на русский язык произведений, написанных поэтами и писателями ближнего зарубежья, в прошлом — национальных республик СССР. Это и стихотворение В. Я. Брюсова «К Арарату», в котором поэт использует для создания образа одной из величайших вершин мира русский образ шапки Мономаха; стихотворение «Мой друг» киргизского поэта Ж. Боконбаева, завершающееся строками «Пушкин с нами. Пушкин вечен. Обниму его при встрече»; отрывки из произведений Ч. Айтматова; роман А. Г. Волоса «Возвращение в Панджруд» (за это произведение автор удостоен премий «Русский Букер» и «Студенческий Букер»), главный герой которого — поэт Рудаки, — так сегодня звучала таджикская тема в произведении современного русского писателя; переводы произведений Фирдоуси и Рудаки, ставшие известными в России благодаря трудам лингвиста, ученого-востоковеда Е. Д. Поливанова и переводчиков С. И. Липкина и Н. И. Гребнева; отрывок из книги «Хранитель древностей» Ю. О. Домбровского, в которой целая глава посвящена художнику Н. Г. Хлудову, создавшему школу живописи Казахстана, и, конечно, знаменитая книга Л. В. Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине», включенная в список «100 книг», рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации школьникам для самостоятельного чтения. В России, как и в республиках Средней Азии, бытует множество анекдотов об этом персонаже.

Шутка Ходжи Насреддина, обещавшего научить ишака разговаривать («Ведь за двадцать лет кто-нибудь из нас троих обязательно умрет — или эмир, или ишак, или я»), стала народной, а жителям Москвы хорошо известен памятник Ходже Насреддину, созданный по инициативе фонда «Диалог культур — единый мир» русским скульптором А. Орловым и установленный на Ярцевской улице, в людном месте, как и положено герою фольклора стран Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, которого любят и в России.

3. Фотографии памятников, музеев, других достопримечательностей, связанных с выдающимися личностями, внесших значительный вклад в развитие национальной и мировой культуры, науки и искусства. Это фотографии памятников А. С. Пушкину и экспозиций пушкинских музеев (Дом-музей А. С. Пушкина в Кишиневе и др.); памятников русским ученым — П. П. Семенову-Тянь-Шанскому и Н. М. Пржевальскому на берегу Иссык-Куля. На одном из них на русском и киргизском языках написано: «Великому русскому путешественнику П. П. Семенову-Тянь-Шанскому от киргизского народа», на другом — «Николай Михайлович Пржевальский. Первый исследователь природы Центральной Азии»; памятника Садриддину Айни и Максиму Горькому в Душанбе; памятника М. Сарьяну в Ростове-на-Дону; памятника А. С. Грибоедову в Ереване; памятника Ч. Ч. Валиханову и Г. Н. Потанину в Павлодаре; памятник генералу И. В. Панфилову в Бишкеке; памятников Лесе Украинке и Тарасу Шевченко у Киевского вокзала в Москве и т. д. Эти материалы словаря демонстрируют пользователю, что памятники выдающимся личностям стоят не только на их родине, но и на той земле, где помнят и ценят их вклад в развитие отношений и связей между странами, народами и культурами.

4. Аудиозаписи музыкальных произведений, известных как классические или очень популярные на всем пространстве СНГ. В качестве примера можно

привести знаменитые произведения: «Танец с саблями», музыка к драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад», балет «Спартак» А. И. Хачатуряна, вальс Евгения Доги из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь»; лирические песни белорусских авторов И. М. Лученка и Э. С. Ханка и др.

5. Художественные и документальные фильмы (отрывки из фильмов), рассказывающие о людях, посвятивших себя установлению и развитию культурных связей между народами, изучению и взаимовлиянию соседних культур. Например, документальный фильм о А. В. Затаевиче, русском композиторе, знаменитом собирателе казахского музыкального фольклора, фрагменты музыкальных фестивалей и конкурсов с участием представителей разных стран СНГ («Славянский базар» в белорусском городе Витебске, программа «Голос» на Первом канале российского телевидения и др.), экранизации знаменитых произведений художественной литературы.

Например, по произведениям Чингиза Айтматова снято более 20 фильмов, и они создавались интернациональными коллективами. Над фильмом «Белый пароход» работали режиссер Болотбек Шамшиев, художник Владимир Донсков, композитор Альфред Шнитке. А фильм А. Кончаловского по повести Айтматова «Первый учитель» (1965 г.) стал началом национального киргизского кинематографа. Фильмы, рассказывающие об общей истории народов стран Содружества, например фильм «Битва за Севастополь» С. Мокрицкого — совместное производство (2015 г.) российских и украинских кинематографистов.

Демонстрируют различные варианты диалога культур и интерактивные задания словаря, выполнив которые пользователь может убедиться, например, в том, что слова из тюркских языков активно функционируют в русском языке. Это названия бытовых предметов (палас, пиала, тандыр) и тканей (парча, бархат), цветов, фруктов и овощей (арбуз, баклажан, жасмин, инжир), торговых мест (базар, чайхана). Или

что пословицы разных народов часто говорят об одинаковых нравственных ценностях: «Не все круглое — орех», — скажут в Таджикистане, «Не все то золото, что блестит», — согласятся в России; «Много дающая рука много получает», — говорит киргизская пословица, а русская отвечает: «Даешь другому — приобретаешь себе»; «В огне виновного горит и невинный» — туркменская пословица, русская — «Лес рубят, щепки летят»; «Ближняя солома лучше дальнего сенца» — азербайджанская пословица, а «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» — русская; «На Бога надейся, но осленка привязывай крепко» — туркменская, «На Бога надейся, а сам не плошай» — русская.

Лингвострановедческий словарь «Россия» не является национально ориентированным средством обучения, однако его мультимедийный характер, открытость структуры и практически неограниченные возможности дополнения и развития контента открывают новые возможности для реализации принципа учета родного языка и культуры различных адресатов, для демонстрации взаимодействия и взаимопроникновения их родной и русской культуры. Прежде всего такого рода материалы — отрывки литературных или фольклорных произведений, репродукции произведений изобразительного искусства, фотографии, аудиозаписи и караоке, видеофрагменты художественных и документальных фильмов, реалистические сферические панорамы — могут пополнить медиатеку словарных статей. Эти материалы визуализируют информацию словарной статьи. В настоящее время на сайте словаря размещено уже около 100 различных по видам материалов, представляющих диалог русской культуры с культурами других стран СНГ, и работа продолжается.

Мультимедийный лингвострановедческий словарь не имеет аналогов в отечественной и мировой учебной лексикографии, в том числе и среди электронных словарей, представленных сегодня в сети Интернет. Работа над проектом еще не завершена, но количество готовых статей и материалов позволяет пользоваться словарем уже сегодня. Материалы словаря доступны бесплатно онлайн всем пользователям стационарных, планшетных и мобильных устройств. То, что словарь востребован и учителями, и школьниками, и студентами (судя по возрасту) подтверждает информация сервиса «Яндекс.Метрика». Так, например, в середине декабря 2017 г. более 36% посетивших сайт словаря составили пользователи в возрасте младше 18 лет, более 22% — в возрасте 25–34 года; более 18% — в возрасте 18–24 года; более 13% — в возрасте 45–54 года; более 9% — в возрасте 35–44 года. При этом более 61% пользователей выходили на сайт словаря с персональных компьютеров, более 34% — со смартфонов, около 5% — с планшетов.

На сайт словаря выходили пользователи из 106 стран, причем более 50% общего числа посетителей выходили из России, около 16,5% — из стран СНГ. Эти данные, по-видимому, свидетельствуют и о том, что продукт недостаточно известен в СНГ, и о том, что в ряде стран СНГ интернет-ресурсы еще не всегда доступны пользователям, особенно в сельских районах. Тем не менее интерес к ним у преподавателей вузов и школьных учителей есть. Это подтверждают участники семинаров по русскому языку, слушатели курсов повышения квалификации, школьные учителя стран Содружества. Важно, чтобы у них было как можно больше возможностей получать информацию о новых дистанционных средствах обучения русскому языку как иностранному или неродному.

Использованные источники

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2015. 31 де-

кабря. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 29.09.2017).

2. Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы // Федеральные целевые программы [официальный сайт Департамента государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/451/> (дата обращения: 29.09.2017).

3. Ростова Е. Г. Интерпретация текста иной культуры как процесс и результат диалога культур // Русский язык за рубежом. 2016. № 2. С. 29–33.

4. Вятютнев М. Н. Теория русского языка как иностранного. М. : Русский язык. 1984. С. 88.

5. Виктор Садовничий: филиалы МГУ обеспечивают понимание России в СНГ // Вестник Кавказа. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Viktor-Sadovnichiy-filialy-MGU-obespechivayut-ponimanie-Rossii-v-SNG.html> (дата обращения: 29.09.2017).

6. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» / Е. Г. Ростова [и др.] // Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru> (дата обращения: 29.09.2017).

© «ДИАЛОГ: ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭКОНОМИКА», ТЕКСТ, 2017

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 11.12.2017. ФОРМАТ 60 × 90 1/8. ПЕЧАТЬ ОФСЕТНАЯ. БУМАГА ОФСЕТНАЯ.
ГАРНИТУРА CHARIS SIL. УСЛ. ПЕЧ. Л. 10,25. ТИРАЖ 1000 ЭКЗ.
ЗАКАЗ № КД-4333-о-17.

АДРЕС: 191015, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ШПАЛЕРНАЯ УЛ., Д. 47

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ: (812) 326-69-24, 326-68-01. WEB-СТРАНИЦА: WWW.IACIS.RU; E-MAIL: KANZ@IACIS.RU

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ.
РЕГИСТРАЦИОННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ №ФС 77-67178 от 16.09.2016 г.

ОТПЕЧАТАНО С ОРИГИНАЛ-МАКЕТА В ТИПОГРАФИИ «КАПЛИ ДОЖДЯ»: 190005, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПР., Д. 16/30, ЛИТ. Б.
ТЕЛ./ФАКС: (812) 325-08-48